

ЖИТЬ СВОБОДНЫМ

Часть I. Время, когда все кажется возможным.

РОМАН

ВЛАДИСЛАВ
НОВОШИНСКИЙ

Новошинский Владислав

**Жить Свободным. Часть I. Время,
когда всё кажется возможным**

«Автор»

2025

Владислав Н.

Жить Свободным. Часть I. Время, когда всё кажется возможным /
Н. Владислав — «Автор», 2025

России. Вторая половина XVIII века. В жизнь крепостного юноши из провинциальной деревни, бурей врывается мимолетный роман с юной графиней, дочерью влиятельного генерала. Что теперь делать? Смириться с предначертанной судьбой и продолжать жить в крепостном гнете? Или поставить всё на кон, и пойти за мечтой, каким бы трудным не был путь? Действие романа разворачивается в первую половину правления Екатерины II, на фоне драматических событий российской истории. В четырех частях книги показан путь человека, с самого рождения лишенного права быть свободным. И тем не менее, оказавшегося способным все изменить.

© Владислав Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Новошинский Владислав

Жить Свободным. Часть I. Время, когда всё кажется возможным

*"Человек рожден свободным,
но повсюду он в оковах"
Жан-Жак Руссо. 1762 год.*

ПРОЛОГ

Петербург. Ноябрь 1805 года.

– А маковые булочки свежие? Вы даже не подумайте обмануть меня, молодой человек, я вас вижу, как на духу. Если вдруг подсунете мне вчерашнюю выпечку, завтра вся столица будет знать, что вы лгун и мошенник.

Пожилая дама посмотрела на хозяина лавки суровым взглядом, будто свежесть маковых булочек была для нее в этот момент важнейшим вопросом на свете.

– Что Вы, матушка, я бы никогда не посмел оскорбить вас несвежим товаром. Вы же меня знаете. Для меня качество выпечки есть вопрос чести, а честь для порядочного человека важнее всего на свете, – ответил хозяин лавки, вовсе не производящий впечатления молодого человека. Скорее наоборот, был он уже весьма зрелый мужчина лет сорока пяти, среднего роста, упитанный, с неряшливой прической, и, в то же время, аккуратно стриженными усами. Вид у него был уставший: вспотевший лоб, заляпанный мукой белый фартук, под которым коричневая рубашка с проступавшими пятнами пота. Звали хозяина Пьер. Много лет назад он приехал в Петербург с востока Польши, после раздела Речи Посполитой во времена Екатерины II. Но из-за имени никто не воспринимал его как поляка. Все считали Пьера французом и даже так и величали: месье Пьер. А он особо и не противился, потому как мода на все французское очень помогала в его деле. И со временем лавка и пекарня Пьера стали самым популярным у зажиточных жителей столицы местом, где можно купить свежую выпечку. Выпечку, как в Париже. И в общем то никого уже не волновало, что сам месье Пьер никогда не был во Франции, а язык знал не лучше среднего ученика питерского колледжа.

– И в то же время, дорогая Анна Петровна, – продолжил хозяин лавки – я бы рекомендовал вам сегодня прекрасные круассаны с шоколадной крошкой. Точно такие, как сейчас очень популярны в Париже.

– Ох уж этот ваш Париж. Да что вы все помешались на этих иностранцах. То были немцы, теперь французы. А завтра кто, англичане, австрийцы, а может модным станет подражать арабам? Будем носить кафтаны и примем многоженство? Ой пропащая это страна, ничего своего не ценит. Принесите мне лучше турецкий орех. С полфунта. И чтобы не сухой был, – командным тоном произнесла пожилая дама.

Хозяин негромко вздохнул, вышел из-за прилавка и прошел в сторону кухни за стеллажами. Анна Петровна пристально проводила его взглядом и потихоньку поковыляла следом. Из кухни невероятно притягательно пахло свежей, только что вынутой из печи выпечкой. Помощники пекаря суетливо шныряли вокруг стола, посыпая свежие булочки, круассаны, слойки, багеты орехами, тертым шоколадом, сахаром и поливая медом. Было очевидно, что они очень торопятся, да и выпечки было непривычно много для обычного буднего дня.

– Что это у вас сегодня так оживленно? – спросила дама, взяв со стола слойку, понюхав и положив обратно.

Помощник пекаря слегка опешил. Он растерялся, не зная, что ответить в такой ситуации, и как выдворить с кухни незваную гостью.

– Вам нравится слойка? Это будет небольшой презент от меня в знак глубочайшего почтения к вам, матушка, – сказал Пьер, быстро подойдя к столу, взяв ту самую слойку со стола и протянув обратно пожилой даме:

– Вот Ваш турецкий орех, ровно полфунта, как Вы просили. Желаете приобрести еще что-то?

– Э, ммм, пожалуй, пожалуй, я посмотрю, что у вас еще есть здесь интересного. Дама попыталась пройти дальше по кухне в направлении печи. Месье Пьер аккуратно, но решительно переместился и преградил собой ей путь.

– Все что мы имеем, я с огромным удовольствием принесу к прилавку. Уважаемой графине следует быть аккуратной, на кухне много муки, масла, меда, да и еще всякого, что может испачкать столь прелестное пальто.

Было видно, что хозяин лавки старается быть учтивым с назойливой покупательницей, и, в то же время, его мимика, тон, и особенно взгляд выдавали раздраженность.

Месье Пьер прекрасно знал пожилую даму. Это была графиня Анна Петровна. Когда-то в замужестве она носила фамилию Потемкина. Но по неведомой пекарю причине, ныне она была всем известна под своей девичьей фамилией Панина.

Анна Петровна была частным гостем в лавке. Для людей её статуса и достатка, это было очень странно. Обычно благородные особы не утруждали себя покупкой продуктов. За выпечкой всегда приходили слуги. Но графиня Панина почти ежедневно заходила в лавку, подолгу расспрашивала про товар, что-то покупала. И всегда долго стояла у прилавка. По всему было видно, что идти домой ей совсем не хочется. Насколько знал Пьер, у графини не было ни детей, ни братьев, сестер, ни какого-либо другого близкого человека. Но примечательным было не это. Все в высшем свете знали, что Анна Петровна Панина не вхожа в общество. Она была давно презираема аристократией. По какой причине – никто толком уже и не помнил. Но говорили, что пожилая графиня живет одна в огромном доме на набережной Фонтанки, доставшемся ей от родителей, у которых она была единственным ребенком.

– Сегодня у князя Голицына большой прием. В честь дня рождения юной княгини. С минуты на минуту должны прийти слуги из княжеского дома за заказом. Прием будет человек на сто, судя по количеству выпечки, которую они просили приготовить, – сказал Пьер, тем самым аккуратно намекая, что дел у них много, и графине пора бы уже определиться с покупками.

– А-а-а! Голицыны. Прием. Скучнейшие люди, эти Голицыны. Да и прием будет такой же скучный – с явным раздражением отвечала Анна Петровна – одни и те же лица, одни и те же разговоры. Ничего нового, ничего интересного. Одно красование друг перед другом. Не пойду я на этот прием. Уж поймите меня. Не мило мне все это.

Пекарь лишь промолчал, отведя взгляд.

– С Вас 50 копеек. Желаете оплатить или записать в долг?

– Запишите в долг, не хочу я таскать эти монеты. Да и вообще, пусть Голицын оплатит. Столько выпечки все равно не съедят.

Пьер улыбнулся и кивнул. По-человечески ему было жаль пожилую даму.

– Фёдор, Фё-е-дор! – громка позвала графиня.

С улицы вошел мужчина. Высокий, весьма крепкого сложения, с бородой и очень простым и добрым лицом.

– Да, матушка, – отозвался вошедший.

– Вот, – графиня, поворачиваясь, махнула в сторону прилавка, – бери!

Федор подошел к прилавку, собрал маковые булочки, турецкий орех, мед и подаренную слойку. Аккуратно сложил все мешок, потом резко поднял последний и закинул за спину.

– Эй! Аккуратнее, Федя. Месье Пьер изрядно старался, и обидится такому обращению с его честью – улыбаясь, сказала дама.

А месье Пьер вновь улыбнулся, но на этот раз это была искренняя улыбка.

Идя к двери, графиня вновь посмотрела в сторону кухни.

– Голицыны. Скукотища. И даже пусть не думают звать, ни за что не пойду! – пробормотала она.

Попрощавшись с Пьером, Анна Петровна и Федор вышли на улицу.

– Ну что, Феденька, прогуляемся? – спросила графиня, уже начав путь к дому.

– Конечно, матушка, погода сегодня неплохая, да и доктор говорил, что вам полезно прохаживаться.

– Вот! Ты прав дорогой. Тем более, что от всех этих экипажей меня только укачивает.

Фёдор кивнул. На самом деле у графини уже давно не было ни кареты, ни извозчика, ни лошадей. Раньше она имела свой экипаж и иногда выбиралась за город, или даже в Москву. Но потом дальние поездки стали утомлять, а в городе ездить ей было в общем то не к кому. Потому пару лет назад лошадей и карету продали, а конюха с извозчиком уволили.

Погода в Петербурге в ноябре не особо благосклонна к гуляющим пешком вдоль канала. Потихоньку заморосил дождь. Ветер порывами поднимал последние из давно опавших листьев. Из-за туч почти не было видно солнца, а проезжавшие мимо экипажи старались быстрее проследовать, куда держали путь, не особо переживая, что обольют прохожих из лужи.

Анна Петровна натянула платок на голову и слегка надвинула его надо лбом, чтобы дождь не так сильно заливал лицо. Она бы и рада была ускорить шаг, но больные колени не оставляли шанса не промокнуть под этим дождем. Слуга покорно шел сзади с мешком за спиной.

Спустя минут двадцать они дошли до дома графини. Огромный особняк на берегу реки Фонтанки выглядел уныло. Нет, это вовсе не означало, что здание было запущенно. Фасад регулярно красили. В вазонах перед входом каждое лето высаживали свежие цветы, а потом регулярно меняли их на новые, и так до самых холодов. И цветы эти всегда были свежие, всегда яркие. Но что-то угрюмое все же веяло от этого дома. Каким-то образом чувствовалось, что большая часть комнат никем давно не занята.

Хозяйка подошла к ограде и, облокотившись на забор, опустила голову и очень тяжело задышала. Очевидно прогулки давались ей все тяжелее. Слуга стоял рядом, продолжая мокнуть под дождем и просто молчать, глядя в сторону. Дверь была всего в паре шагов от них, а за дверью тепло, сухо и уютно. Но они постояли еще минут пять и только потом графиня подняла голову, потянула руку в сторону Фёдора и очень аккуратно пошла к двери. Слуга подхватил её под локоть, поддерживая хозяйку, подвел ближе, и, наконец постучал в дверь.

Открыла служанка. Женщина лет тридцати. Довольно простого вида для прислуги в столь дорогом доме в центре столицы. Как и Фёдор, она больше походила на крепостную служанку где-нибудь в барской усадьбе в провинции. И звали её так же по-крестьянски просто, Марфа. Фёдор и Марфа были женаты. И они действительно были крепостными, которых Панина выкупила много лет назад. Бог не наградил пару детьми, собственно, как и пожилую хозяйку особняка. И только они двое проживали в доме вместе с графиней. Остальные немногочисленные слуги были людьми свободными, приходили днем, выполняли работу и уходили.

Анна Петровна, войдя в дом и, оставив служанке пальто да насквозь промокший головной платок, медленно, преодолевая боль в коленях, стала подниматься по шикарной, выложенной мрамором лестнице с позолоченными балясинами, на второй этаж.

– Матушка, ужин почти готов. Мы с Порфирьевичем сегодня приготовили утку, запеченную с травами. Я накрою минут через десять. Не задерживайтесь, пожалуйста. Холодная утка будет совсем не та, – сказала Марфа, помогая Фёдору раздеться.

Графиня кивнула, слегка повернув голову в сторону, и продолжила свой нелегкий путь наверх.

Ужинала Панина в столовой на первом этаже особняка. Большая комната, с обитыми красным холстом, с позолоченными вертикальными полосками стенами. По стенам висели большие картины, в основном свидетельствовавшие о победах русской армии. А между картин большие подсвечники. В комнату вело три входа. Один, прямо из кухни, – для прислуги, другой, из парадной, – для гостей, и, третий, – специально для хозяев дома, чтобы последние могли дождавшись, когда все соберутся за столом, торжественно выйти к гостям и, в последствии, при необходимости, столь же торжественно удалиться. Посреди комнаты стоял огромный стол, покрытый белой скатертью, а вокруг стола массивные дубовые стулья. За этим столом в былые годы могло собраться человек двадцать очень и очень знатных и влиятельных особ. Обитые холстом стены и эти картины помнили многие важные разговоры. А сколько неуместно сказанных здесь, после изрядной выпивки слов могли перевернуть судьбы их сказавших...

Но сегодня, как и в последние годы, ужин был накрыт лишь для одной.

Главное блюдо было действительно прекрасно. Утка гордо лежала в центре стола, с поджаренной, местами до угольной черноты, поблескивающей от жира и масла кожей. И исходила великолепный аромат запеченной дичи, дополняемый чесноком и обширным букетом трав. Сопровождали утку отварной картофель, политый растопленным маслом и посыпанный тертым трюфелем и маринованные огурцы, приятно хрустящие на зубах.

Фёдор, как обычно, прислуживал у стола в роли официанта, а Марфа подавала блюда и уносила посуду.

Графиня медленно и немного тяжело пережевывала пищу, понемногу запивая вином. И почти все время смотрела вперед, от чего складывалось впечатление, что мыслями она где-то далеко. И лишь иногда, будто будоражась ото сна, возвращалась в комнату. Во время ужина присутствующие почти не говорили. Слуги настолько привыкли и знали хозяйку, что слова были уже и не нужны, будь то еще кусочек птицы, картофель или вино в бокале.

– Замечательная утка получилась! И передай благодарность Порфирьевичу. Он, как всегда, молодец, – сказала Панина, обращаясь к Марфе и продолжила:

– Здесь еще очень много. Покушайте с Федей позже. И вино еще осталось. Что добру пропадать.

Марфа пробормотала что-то в благодарность и быстро начала убирать со стола.

– Разведи камин в гостиной. Что-то я замерзла сегодня, кости немного ломит и голова разболелась, – обратилась графиня к Федору.

– Уже все готово, матушка. Изволите принести в гостиную напитки? – ответил Фёдор.

– Да. Быть может еще вина, – сказала Панина, медленно поднимаясь и начиная потихоньку шагать от стола, опираясь за спинку дубового стула. Потом она на мгновение остановилась, задумалась, и, повернувшись, сказала:

– Нет, Феденька, давай лучше водки. Да. Решено! Принеси графин водки в гостиную. И возьми две рюмки, дорогой.

Фёдор вернулся на кухню, перелил водку из бутылки в графин, взял из шкафа пару хрустальных стопок и пошел в гостиную. Когда он вошел, Анна Петровна стояла у окна. Было уже темно, а на другой стороне канала вспыхивали яркие огни праздничного фейерверка.

– Голицыны! – с еще большим, чем днем у пекаря в лавке, раздражением произнесла пожилая графиня – нет! Ни за что не пойду к ним и в следующий раз. И пусть даже не просят. Не пойду и всё. И гони их гонца прочь, если придет. Палками гони. Ты понял?

Фёдор утвердительно кивнул.

– Водка, как вы просили. И две рюмки. И еще нарезанное сало, и огурцы. Чтобы с желудком чего не случилось.

– Да, да. Поставь на столик. Налей. И себе налей, дорогой.

Слуга поставил поднос на небольшой столик, стоявший между двух кресел напротив камина. Открыл графин и наполнил обе рюмки.

В камине к этому времени уже почти прогорела охапка дров и маленькие языки пламени то вспыхивали, то почти угасали, словно цепляясь за жизнь из последних сил, лишь бы не погаснуть.

Фёдор подошел к камину и подбросил еще одну охапку. Огонь через несколько минут разыгрался с новой силой, жар усилился, а потрескивание дров и игра пламени придали комнате особый уют.

Графиня тем временем уже устроилась в кресле:

– Давай выпьем, дорогой.

Она подняла стопку и взглядом показала на вторую стопку Федору:

– Только вы с Марфой и остались у меня. Только вы близкие люди. Вот такая она, Феденька, жизнь. Вот такая интересная, и, в то же время, невероятно жестокая.

И, выдержав паузу, продолжила:

– Это сейчас я одинокая старуха, всеми презираемая...

– Э-э-э, ну что же, как же, это же нее, – начал Федор.

– Да уж нет, родной. Все это так. Я же все понимаю. Иногда память только подводит. Пойду куда-то, а как приду и не помню, зачем шла, и сюда ли, вообще, шла. А в остальном все я знаю.

Графиня посмотрела на собеседника:

– Но знаешь! Так ведь не всегда было – в этот момент взгляд её вдруг сменился с беспросветно грустного, на какой-то не по годам бодрый, даже можно сказать искрящийся.

– Эх, какие были годы у меня. Какие годы! А какой день сегодня? Ноябрь, а дата, дата какая?

– 18 ноября матушка – ответил Фёдор.

– Да., 18 ноября! Тот самый день!

– Какой день?

– Тот самый! Тот самый день!

Фёдор, не зная, что ответить в данной ситуации, лишь промолчал. По тону графини не было заметно, что она хочет поделиться с ним, чем-то большим.

– Ладно, дорогой. Утка уже остыла, да и ты голодный. Иди к Марфе, поужинай. А мне налей еще рюмку. И вообще, оставь графин, завтра приберешь.

Слуга поклонился, пожелал спокойной ночи и удалился.

Анна Петровна отпила из рюмки, встала с кресла и подошла к большому комоду. Верхний ящик комода был на замке. Графиня расстегнула пуговицу на груди, сняла с шеи цепочку, на которой висел небольшой серебряный ключик, вставила ключик в замок, повернула и открыла ящик. В ящике лежало несколько пустых бумаг и принадлежности для письма. А в самом углу неприметный конверт. Пожелтевший, потрепанный временем конверт. Разобрать, что написано на конверте, было уже невозможно.

Графиня с конвертом в руках пошла обратно, к креслу у камина. Проходя мимо окна, она посмотрела в сторону другого берега реки. Фейерверки уже стихли. Панина вздохнула с некоторым облегчением и, пожалуй, даже радостью. Радостью от того, что ей сегодня больше не нужно созерцать этот праздник, один из тех, к которым она так привыкла в детстве и о которых, на самом деле, в глубине души, так скучает уже много лет.

Держа в правой руке конверт, Анна Петровна левой рукой взяла рюмку, залпом допила оставшуюся водку. И, поставив рюмку на столик, неспешно стала открывать конверт. Из-под оборота конверта показалось письмо. Такое же старое, пожелтевшее, но все же сохранившее текст в разборчивом виде.

– Да сегодня тот самый день, 18 ноября!

Несколько минут она сидела не двигаясь, уставившись на огонь в камине. Не смея пошевелить руками, держащими конверт:

– Тридцать лет уже прошло. Да! Три месяца счастья и тридцать лет расплаты.

Анна Петровна потянула письмо, и из конверта полностью показалась первая строка.:

«Дорогая, милая Анна. Знаю, что это последнее, что я могу...»

Графиня резко отвела взгляд. По щеке покатилась слеза. А по нескольким неглубоким судорожным вдохам было заметно, что в этот момент в горле подступил ком.

Но графиня Панина не разрыдалась. Она слегка задвинула письмо обратно в конверт, и уставилась на огонь в камине. В мокрых от слез глазах, в ручейках на щеках, продолжало свою игру пламя, озаряя темную комнату, и создавая причудливый танец теней. Время от времени с громким треском из огня вырывались искры.

Графиня смотрела прямо на огонь, не отводя взгляд. И в то же время смотрела, будто, в никуда. По всему было видно, что мыслями Анна Петровна в этот момент где-то далеко. Далеко, в своих самых сокровенных воспоминаниях.

Глава 1

Воронежская губерния. Июнь 1763 года.

– Ну же, давай, давай, еще, толкаем! – командовал, статно восседая на коне, усатый сержант в широкой зеленой треуголке, красно-зеленом мундире, с саблей на поясе.

Пятеро солдат со всей силы навалились, пытаясь вытолкнуть карету, застрявшую посреди одной из больших луж, покрывавших дорогу после вчерашнего ливня. Извозчик взмахнул кнутом, громко вскрикнул: – А ну пошли! – и так хлестанул по запряженным лошадям, что стоявшие рядом на обочине вздрогнули от визга летящей плети и резкого, словно выстрел, шлепка. Четверка белых лошадей резко дернулась и, с неистовым ржанием, потянула карету. Колесо, утонувшее в луже почти наполовину, наконец двинулось с места. Солдаты поднажали еще и тут карета резко покатила вперед. Один из толкавших поскользнулся и завалился прямо лицом в лужу. Через секунду он неспешно стал подниматься, весь мокрый и грязный.

– Твою ж мать! Ну что ж это за дерьмо, – начал ругаться упавший солдат, пытаясь хоть как-то отряхнуться от грязи.

– А ну молчать! Я тебе сейчас покажу твою мать – резко одернул сержант.

Солдат замолчал. Отошел к обочине, немного отряхнулся, вытер рукавом грязь и оглядел себя. Зеленый камзол и белые штаны, и без того уже испачканные дорожной пылью, были сплошь в грязи. Со шляпы и рукавов капала коричневая жижа. Он не представлял, как и где будет оттирать все это. С грустью во взгляде посмотрел на медленно уезжающую карету, потом поднял глаза на сержанта.

– Вернись в строй. Доберешься до лагеря, приведешь себя в порядок, – снисходительно сказал усатый сержант, потом повернулся, и неспешно поехал следом за каретой.

– На! Вот возьми, пойдем – один из рядовых, также выталкивавших карету, протянул упавшему рюкзак и ружье – пойдем, а то мало того, что в грязи, еще и накажут за нарушение строя – продолжил он.

– Идем, идем. Куда ж мы денемся. Мы никуда отсюда не денемся – ответил солдат, закинув рюкзак за спину

И они неспешно побрели вперед среди колонны.

Обоим рядовым было лет по 30. Бородатые, измученные длиной дорогой, слегка сутулые от постоянного ношения тяжелых рюкзаков и оружия. Во многом они были похожи друг на друга, собственно, как и на большинство своих сослуживцев.

– Тебя как зовут? – спросил пришедший на помощь.

– Афанасий – ответил солдат.

– А меня. Илья. Я тоже из четвертой роты сержанта Уварова. Раньше не видел тебя среди наших. Ты давно к нам?

– Я в четвертую направлен неделю назад, перед выдвижением из Пскова. Говорят, у вас убыло много. Вот нас и направили на восполнение.

– Да. Было такое. Несколько человек из донских пожаловались на сержанта за плохое отношение, за побои. Думали командир вступиться за них. Ан не тут-то было. В итоге, всех на каторгу сослали. А ваших, видать, на замену прислали. Так что ты аккуратнее с бранью. А то наш сержант очень тяжёлый характером. Может и зубы выбить эфесом за дерзкое слово, а может и просто от пьянки покалечить ни за что.

– Да чего уж. Я не первый год на службе. Уже всякого повидал. Ай. Что мы будем тут друг друга пугать? Ты тоже, смотрю, не молодой сопляк уже. А жизнь нашего брата- она везде одинакова. Расскажи лучше про себя. Я в роте пока толком ни с кем не сдружился.

– Ага. Одному то совсем грустно. А мужики у нас в роте хорошие, всегда поддержат. Вольешься, не переживай!

Илья положил руку на плечи сослуживцу и продолжил:

– Сам я с верхней Волги. Десятый год идет, как забрали рекрутом. Хорошо у нас там было. Не так жарко, как здесь. Лесов побольше, речки красивые. А тут смотри, какая жара, что дышать тяжело, а говорят, в иных краях еще хуже бывает. Что за полдня под солнцем можно и в обморок упасть от духоты.

– А я из-под Астрахани. Мне такая жара нравится. Спать хорошо, не замерзнешь даже без палатки. А как хорошо искупаться в речке после вот такого перехода. Кругом жара, а вода прохладная, свежая. Уххх! А фрукты! Знаешь, какие у нас летом фрукты вкусные? Это не ваши яблоки кислые.

Было видно, как на перепачканном лице пробежало, что-то такое теплое, приятное, родное:

– Первые пять лет в Архангельском гарнизоне был. Так там такая холодина. Сырость все время. Ветер холодный. А зимой, если в дороге присел, то все -считай помер. Я сначала болел не переставая, думал, живым оттуда не уеду. А потом война началась, меня под Смоленск перевели. Вот так, считай, война кого убила, а меня спасла.

– Слушай, а чья карета то? – продолжил Афанасий – не часто встретишь такую роскошь среди военной колонны. Я её уже не первый раз вижу за последние дни в пути.

– Ходят слухи, что какой-то генерал своих девиц взял на летнюю кампанию. Мол, скучно ему без них тут одному среди мужиков. С родными побыть хочет летом.

– Твою то мать! – снова выругался Афанасий, все еще пытаясь отряхнуть грязь с камзола.

– Скучно ему без баб. Я из родни уже одиннадцатый год никого не видел. Как забрали в девятнадцать лет, так и мотаюсь. Только воспоминания и остались о родителях, да о близких. Если честно уже и не помню, как они выглядели, что было, а что не было, или я сам уж что выдумал.

– Ага, – ответил Илья, – я и сам уже не помню ни родни, ни друзей, ни дом наш. Да и какой он уже наш. Брат, наверное, все перестроил, меня уж точно не ждет. Бог даст живым останусь, там и найду себе дом.

– А я по сестрам и по матери скучаю сильно. Иногда по ночам накатит тоска, думаю, как доберусь до родного села. Вот удивятся, когда встретимся. Зойка уже взрослая совсем, наверное. Уходил, она девчушкой была, малой ещё. Я часто за ней приглядывал, пока родители в поле, да у барина в хозяйстве работали. Ну и Катька, уж точно баба взрослая. А, главное, мать повидать хочется. Эх! Как она плакала, когда забирали меня. Долгое время только и стояло в глазах, как упала на колени и рыдала в след. А я не оборачивался. Не мог я обернуться, понимаешь, не мог! Заплакал бы тоже, как пацан малой. А как потом, в казарме с мужиками, после такого. Так и уходил, слушая рыдание за спиной, и не оборачиваясь. А потом вот стыдно стало. Да мне бы только обнять её еще разок. Понимаешь? Ты то точно меня понимаешь!

– Да, я то понимаю. Ты вот, выпей-ка, а то совсем расстроился.

Илья достал из рюкзака небольшую фляжку и протянул Афанасию.

– На, глотни!

– А что там? Вода у меня есть. И привал скоро, еще наберем.

– Да, ты попробуй, попробуй. Моей воды.

Афанасий отхлебнул и сморщился.

– Уф! Откуда у тебя, братец, брага в дороге? Не боишься быть палками побитым?

– Так ты молчи и пей потихоньку, коли поделились. Не будет же сержант у каждого фляги нюхать всю дорогу. А так куда веселее идти, согласись.

– И то правда.

Афанасий отхлебнул еще пару больших глотков.

– Ну а насчет, понимаю ли я тебя, – вновь завел разговор Илья, – конечно понимаю. Но и ты меня послушай. Зинка твоя и Катька, да и девки, с которыми ты летом на сеновале обжимался, они взрослые бабы уже. У всех мужики, куча детей, хозяйство, барин со своими запросами. Вот на кой черт ты их мужикам сдался. Куда они тебя примут? Ну а мать....

Илья остановился, взял Афанасия за плечо и, глядя в глаза, вполголоса продолжил:

– Сколько ей годов было, когда тебя забрали? Ну ты же сам все понимаешь. Доля нам такая выпала, что уж тут теперь. Лучше, может, и не думать о доме?

– А ты вот ответь тогда, – Афанасий одёрнулся, отвернулся и пошел дальше: а на кой мне тогда все это? За каким чертом я сейчас ноги передвигаю. Иду куда-то, воевать будем с кем-то. Может издохнуть проще было там, в Архангельске? Хоть родителей бы видел на небесах.

– Ты это брось, такое говорить! Дурной, что ль? Это грех большой! Так случилось, значит случилось. Значит судьба у нас такая.

Илья выхватил флягу из рук Афанасия и убрал обратно в рюкзак. Дальше они пошли молча и стараясь не смотреть друг на друга.

А спереди и сзади, среди колосющихся полей, по грязной дороге, тянулась бесконечная колонна из пеших солдат, кавалеристов, пушек запряженных лошадьми и сотен телег с провиантом. И только одинокая роскошная карета, запряженная четверкой белых лошадей, явно выделялась на фоне этой военной процессии.

Где-то после полудня, когда солнце еще было в зените и июньский зной достиг своего апогея, вдоль колонны во встречном направлении проскакал всадник. Доехав до экипажа, он развернулся, поравнялся с каретой и громко обратился к поручику, сопровождавшему экипаж рядом на коне.

– Подпоручик Алферов. С посланием его светлости генералу Панину от Полковника Власова.

– Сто-о-ой! – скомандовал поручик.

Извозчик резко потянул поводья и карета остановилась. С запяток резво соскочил лакей, подойдя сбоку открыл дверь и приклонил голову.

Из кареты высунулся мужчина лет сорока. Круглолицый, весьма упитанный, с мягкими, немного женственными чертами лица, в белоснежном, туго натянутом парике, роскошном зеленом мундире с огромными, отливающими золотым цветом, генеральскими погонами и голубой лентой поверх мундира.

– Ваше сиятельство – обратился подъехавший гонец, спрыгнув с коня и приклонив голову:

– Полковник Власов приветствует его светлость на Острогжской земле. Рад сообщить вам, что до поместья полковника не больше пятнадцати верст. По такой дороге ваш экипаж будет в поместье часа через три. Изволите сделать распоряжения по приему.

– Замечательно – ответил мужчина из кареты, стоя на ступени.

– Вот что! Передай полковнику, пусть первым делом истопит мне баню. Да. Баню. Все остальное потом. Не нужно этих вот приемов, поклонов. Баню с дороги, а потом ужин. И потом уже все дела и церемонии.

– Так точно! Будет сделано – ответил подпоручик. Отдал честь и вытянулся в ожидании других указаний.

Стоявший на ступени кареты генерал лишь махнул кистью руки, повернулся и, чуть наклонившись, залез обратно внутрь.

Лакей закрыл дверцу, подпоручик быстро запрыгнул на коня и ускакал с поручением генерала вперед.

Усевшись обратно внутри кареты спиной к извозчику, мужчина с явным облегчением обратился к своим спутникам:

– Ну вот. Уже почти. Скоро будем на месте.

Рядом на лавке сидела дама возрастом чуть младше своего спутника. Очень худая, со светлыми длинными волосами, светло-серыми глазами. Бледное лицо, покрытое наспех сделанным макияжем, выдавало жуткую усталость. Как и все пассажиры кареты дама мучалась от духоты, изредка пытаясь охладить, безнадежно вспотевшие голову и шею взмахами веера.

На другой лавке сидели две молодые девушки. Прямо напротив генерала совсем юная блондинка с прелестными, слегка выющимися золотистыми локонами, большими, даже огромными, светло-серыми глазами, по-юношески округлыми чертами лица и немного пухлыми губами.

Рядом брюнетка чуть постарше, с изящно оформленной прической, карими глазами, слегка нарумяненными щеками, и, несмотря на внешнюю измотанность, притягивающая какой-то строгой, благородной красотой.

После обнадеживающих новостей атмосфера среди утомленных полуденной духотой пассажиров стала заметно веселее.

– Мне уже и не верилось, что эта поездка когда-нибудь закончится. Как же все это утомляет, – сказала спутница генерала.

– Как же вы правы, ваша светлость, – ответила брюнетка напротив, и, едва сдерживая ехидную улыбку, продолжила:

– Я уже думала, если Анну вновь укачает и еще хоть раз вытошнит на мое платье, я ей-богу выйду прочь и пойду обратно в Петербург пешком.

– Знаешь, милая Лизанька – начала Анна, повернувшись лицом к собеседнице и также едва скрывая усмешку, – испортить твоё чудесное белоснежное австрийское платье, а потом смотреть, как вы трое на ходу выскакиваете из кареты, чтобы не поплохело самим. Да потом еще битый час сидите с кислыми лицами, делая вид, что здесь ничем не пахнет. У-у-у! Да это единственное развлечение, доступное мне в этой чертовой повозке в последнюю неделю.

– Ну ты и гадюка – ответила Лиза, едва сдерживая уже не улыбку, а хохот.

– Ну-ка, юные леди – резко оборвала дама напротив. Следите за своими языками!

На мгновение в карете установилась тишина. Генерал строго оглядел своих спутниц, с серьезным видом отвернулся к окну и тут же повернулся обратно, уже не сдерживаясь от смеха. Атмосфера от этого залившего компанию хохота стала еще более оптимистичной.

Делать в дороге было и правда совершенно нечего. Разве что смотреть на измученные лица друг друга, да считать задом многочисленные ухабы сельских дорог.

Поездка длилась уже восьмой день. На ночь экипаж останавливался на постоялых дворах. Но места эти были явно не для столь знатной публики. Скучная, простая еда. Тесные и душные комнаты с потрепанными постелями. Вонь от заваленных конским навозом подворий. От того новость о скором прибытии в поместье полковника приносила такое долгожданное облегчение, словно свежий бриз подул с моря.

К лету 1763 года обстановка на западных границах империи становилась все напряженнее. По всему делу шло к большой войне. И вопрос был только в том, вспыхнет вперед конфликт с недавним союзником Пруссией вокруг дряхлеющей Речи Посполитой, или застарелое противостояние с Турцией и её вассалом, Крымским ханом. Потому недавно взошедшая на престол императрица Екатерина II решила устроить масштабные военные учения.

Местом проведения был выбран город Острогожск в Воронежской губернии. Полковой город Острогожского слободского казачьего полка, построенный сто лет назад как часть мощной Засечной черты. Учения не случайно задумали провести в казацком войсковом городе. Казачество, несмотря на своенравность и в целом проблемность для чиновников, продолжало играть огромную роль в военной машине империи.

Командовать учениями был назначен генерал-аншеф Петр Иванович Панин. Один из наиболее опытных и влиятельных военных и гражданских чинов периода правления свергнутого и убитого императора Петра III. Петр Панин к своим сорока двум годам уже отличился целой плеядой блестящих побед, в том числе в ходе только что закончившейся семилетней войны. Получил практически высший военный чин генерал-аншефа, выше которого был только чин фельдмаршала. Успел, среди прочего, побыть генерал-губернатором Кёнигсбергским. Ну и впридачу, старший брат Петра Ивановича, Никита, был и вовсе воспитателем наследника престола Цесаревича Павла Петровича, сколотил вокруг себя сильную партию при дворе и фактически возглавил российскую внешнюю политику после прихода Екатерины к власти. Новая императрица, урожденная прусская княгиня Софья Ангальт-Цербстская, понимая, что заняла престол вместо законного наследника, собственного сына Павла, стремилась склонить на свою сторону наиболее влиятельных вельмож периода правления свергнутого мужа. Потому влияние Паниных после дворцового переворота, случившегося годом ранее, не уменьшилось, а напротив только возросло.

Понимая, что большая военная кампания может начаться совсем скоро и помня чрезмерно затянувшуюся семилетнюю войну, Петр Иванович решил взять на учения супругу и дочь, дабы побыть с близкими, покуда это возможно.

Отношения Панина с супругой Марией к этому моменту сложно было назвать теплыми. Мария Родионовна Панина, в девичестве Татищева, дочь Петербургского градоначальника, была фрейлиной у трех предыдущих императриц. В юности славилась при дворе изысканной красотой и высоким умом. Авторству Марии Родионовны принадлежали несколько переводов романов и повестей с французского языка на русский. Но брак с Петром выдался трагичным и тяжелым. Вначале все было похоже на сказку: к венцу Марию убирала сама императрица Елизавета Петровна, присутствовавшая и на свадебном балу, подтверждая самый высокий статус брачующейся пары. Петр Панин, тогда еще полковник, в этот период делал блестящую военную карьеру. Но потом случилась первая беременность. Ребенок умер при родах. Потом, через год, опять неудачная беременность прервалась досрочно. В общей сложности Мария была беременна 17 раз. Но либо беременность заканчивалась преждевременно, либо ребенок рождался хилым и умирал в младенчестве. Из всех детей у Паниных выжил только пятый. Дочка по имени Анна.

Петр Иванович души не чаял в дочери, хоть, по правде говоря, это не всегда было так. Трагические смерти детей невероятно огорчали. Но они с Марией все же продолжали пытаться. Столь блестящая карьера, такие щедрые дары от императорской фамилии, одна из наиболее влиятельных фамилий, а наследника нет. Но дети умирали. А дочь. Что ж тут сказать. Дочь не унаследует фамилию, не умножит титулы. Выйдет замуж, и? И, пожалуй, все. От того Панин практически не бывал дома, предпочитая службу семейным делам. Но со временем он смирился с судьбой. Отношения с Анной стали становиться все ближе и ближе и к моменту, когда дочке исполнилось 15 лет, перспектива долгой разлуки, казалась уже невероятно тягостной. К тому же Петр Иванович понимал, что пройдет год или два и дочь нужно будет выдавать замуж. А там будет уже совсем другая жизнь и видаться они будут не часто.

Вместе с семьей Паниных путешествовала молодая Елизавета, которую взяли с собой как учительницу немецкого и латыни для Анны. Лиза, дочь графа Воробьева, была знатных кровей. Но отец её, бывший и без того из небогатого семейства, еще и умудрился промотать остатки наследства. Потому молодой графине приходилось рассчитывать теперь только на себя. Возрастом она была ненамного старше своей ученицы, а потому их отношения больше походили на отношения близких друзей или сестер. Толку в итоге от такой учебы было мало. Зато присутствие Лизаветы хоть как-то скрашивало перспективу провести лето вдали от столичной светской жизни.

Ближе к пяти часам пополудни, когда летнее солнце уже не пекло так сильно, но духота еще и не собиралась уступать место вечерней прохладе, роскошная карета, к тому моменту уже вся покрытая дорожной пылью и испачканная понижу слоем грязи, наконец достигла конечной точки этого путешествия. Генерал Панин решил разместиться с семьей в усадьбе отставного полковника Власова Георгия Петровича.

Усадьба Власова, на самом краю Острогожска представляла собой весьма милого вида одноэтажный деревянный дом желтого цвета с двумя невысокими башенками на главном фасаде и маленькими окошечками на крыше, имитирующими наличие мансарды. Желтый фасад, с белыми полосками и оконными рамами, также выкрашенными в белый, был щедро украшен резным декором. Все это делало дом очень похожим на роскошные загородные усадьбы петербургской знати. С угла к дому примыкал высокий деревянный забор, также выкрашенный в желтый, с большими массивными воротами и калиткой рядом. А за забором пряталось весьма большое для такого дома подворье, среди которого даже виднелся небольшой купол домово́й церкви.

Хозяин дома был хорошо знаком по службе с Петром Ивановичем. Они вместе служили в Пруссии несколько лет назад. Полковник, как и Панин, делал успешную карьеру. Среди военных он прославился мудростью в планировании операций и холодным сердцем. Власов мог отправить разом десятки солдат на верную смерть, и даже не повести бровью. Зато все его операции давали блестящий результат. Но потом, в судьбоносном сражении при Кунерсдорфе, снаряд разорвался прямо под его конем, переломав последнему разом все четыре ноги. Завалившийся жеребец прокатился по полковнику, нанеся тяжелые увечья. Несколько недель Георгий Петрович пролежал в полевом лазарете. Никто и не верил в его выздоровление. Но он выжил. Последствия же ранений были тяжелыми. Одна нога почти перестала двигаться, из-за травмы поясницы движения стали медленными и скованными, а правый глаз практически почти не видел. Полковник был с почестями уволен из армии на пенсию, так как более не мог нести службу. В память о заслугах и с целью использования опыта Власова, он был, повелением императрицы Елизаветы Петровны, одарен поместьем в Воронежской губернии и, впридачу, сотней душ крестьян. Супруга Георгия Петровича, Ольга, происходила из зажиточной семьи провинциальных купцов и не могла похвастать ни глубоким умом, ни житейской мудростью. Еще до ухода мужа на войну она очень стремилась приблизиться к жизни столичного дворянства, чем сильно утомляла того. А после возвращения супруга с тяжелыми ранами, личная жизнь у них совсем разладилась. И все, что оставалось Ольге, это скандалить с мужем, вытягивая из него деньги на, казавшиеся ей модными, вещи, да донимать прислугу, требуя от безграмотных крепостных соблюдения какого-то, ею самой выдуманного, этикета. Все эти попытки построить светскую жизнь на деревенских корнях, выглядели порой совсем нелепо. Но среди местной публики Ольга Ивановна слыла первой модницей и светской дамой.

Экипаж въехал сквозь ворота на подворье, где уже все было готово к встрече высоких гостей. Полковник с супругой, городской голова с женой, да пара офицеров гарнизона выстроились в ряд. Все в парадных одеяниях. Мужчины в военных мундирах с лентами, белых париках под черными треуголками, начищенных сапогах. Дамы в пышных белых платьях, скрывавших столь же пышные фигуры провинциальных помещиц немолодого возраста, с чрезмерно нарумяненными лицами. А их шеи, запястья и кисти рук сияли, казалось, всеми драгоценностями, которые у них вообще были. Чуть поодаль, позади, стояли человек пять прислуги в праздничных, ярких крестьянских нарядах. Все встречающие старались максимально выправиться, словно солдаты на построении, и не переставали все время улыбаться. А посреди двора, в том месте куда подъехала карета, лежал большой ковер. Видимо, кому-то пришла в голову мысль, что высокостатусных гостей нужно встречать, непременно расстелив ковровую дорожку. Но мысль пришла поздно, и дорожки не нашлось, потому просто расстелили ковер. Смотрелось

все это невероятно нелепо и только подчеркивало пропасть между столичной знатью и провинциальным дворянством.

Полковник с супругой подошли первыми к карете. Следом, кучкой, мелкими шажками подтянулись остальные. Лакей, вымуштрованным до изящного автоматизма движением, открыл дверцу и приклонил голову. Петр Иванович высунулся из кареты, встал на ступень и неспешно оглядел двор, стоявших в сторонке слуг и лишь после обратил взор на встречающих.

– Ваше сиятельство! Имею честь приветствовать вас, – на правах хозяина начал Власов.

Панин сошел со ступени, стремительно подошел к полковнику и с улыбкой протянул руку:

– А я то как рад уже наконец увидеть вас, добрый друг. Что там с моим указанием по баньке? Готово?

– Конечно, ваше сиятельство, истоплена банька и веники запарены, и чан с родниковой холодной водой стоит. С дорожки то прохладиться. И квас холодный только из погреба, – перебила неспешно отвечавшего в силу своего недуга, полковника супруга. Ольга Ивановна впервые принимала в доме столь высоких гостей, а потому, изо всех, сил стремилась привлечь их внимание. И, даже возможный гнев весьма непростого характером мужа, не страшил её сейчас. Помещица повернулась в сторону слуг и что-то прошушукала им, резво зазывая взмахами руки. В ответ пара слуг, мужик и молоденькая девушка, быстро, почти бегом, подошли к хозяйке. В руках у девушки было полотенце с большим караваем и солонкой по центру последнего. Мужик же держал поднос с парой бокалов белого вина.

– Вот, по традиции примите хлеб да соль. И бокал прохладного вина с дороги – продолжила Власова.

– Вино и хлеб? Интересно – ухмыльнулся Панин. И не став пробовать ни того ни другого, взял полковника под руку:

– Проводи-ка меня, дорогой. А супруга твоя пусть моих спутниц принимает.

Петр Иванович поздоровался с городским головой, выслушал представления других присутствующих и удалился с прихрамывающим помещиком в сторону дома. К этому времени все спутницы генерала уже стояли перед каретой, и с некоторым удивлением оглядывались вокруг.

– Ваши светлости. Как прошло путешествие? – переключилась на оставшихся на дворе гостей Ольга: – Рада вас приветствовать. Я полностью к вашим услугам. Указывайте, что пожелаете. Все будет исполнено.

– Спасибо. Все хорошо. Но мы право очень устали, – негромко и не очень приветливо ответила Мария Родионовна, а юные спутницы, стоя позади, перешептывались и хихикали, рыская глазами по сторонам и показывая пальцами друг другу то на нелепый ковер под ногами, то на слуг с угощениями.

– Нам бы скорее попасть в свои комнаты.

– Конечно, конечно. Как пожелают ваши светлости. Пойдемте!

Ольга Ивановна приклонила голову и показала в сторону открытых дверей дома. Панина прошла первой, следом проследовали девушки. Анна, проходя мимо каравая, ткнула в него пальцем и захохотала.

Войдя в дом, гости очутились в небольшом холле, из которого вел проход в гостиную налево, через арку, а по коридору, направо находились хозяйские спальни. Дом был небольшим и чтобы разместить гостей с комфортом, хозяева сами на это время переехали в летний флигель.

– Вот и наш дом. А это Варя и Коля. Они на ближайшее время будут здесь жить на подворье и в любое время к услугам их светлостей. Но лучше зовите меня. Я и днем, и ночью в вашем полном распоряжении. Мы непременно сделаем ваше пребывание столь же комфортным, как ваши светлости привыкли. В гостиной стол накрыт. Если изволите, можно отужинать. У нас прекрасное вино, и шоколад есть.

Помещица не унималась, рассыпаться в любезностях.

– Нет! – уже с нескрываемым раздражением вновь ответила Панина:

– Мы хотим пройти в свои комнаты. Я там дождусь супруга и потом решим, где отужинать. А девочек проводите в их комнаты. И принесите им туда ужин.

– Да, да. Все сейчас сделаем. Все будет. Варя, Коля слышали? Чего стоите как балбесы? Ну-ка, проводите гостей.

Власова схватила Варю за рукав и резко толкнула вперед в сторону коридора со спальнями. Тон её при общении с крепостными мгновенно превратился из заискивающего в нескрываемо надменный и жестокий. Варя поклонилась и позвала за собой молодых гостей. Пройдя с десятков шагов по коридору, они оказались у дверей спальни. Весьма просторная комната с высокими окнами, сквозь которые солнце заливало светом интерьер. В комнате стояли 2 кровати застеленные белыми, расшитыми красивыми серебристыми узорами, покрывалами, шкаф, комод и маленький столик с парой стульев. На столике для гостей были подготовлены яблоки, груши и сахарные леденцы, да графин с водой.

– Ваши покои. Добро пожаловать! В графине прохладная вода из родника. Сейчас принесу ужин и чай. Госпожам угодно сделать еще какие-то распоряжения? – спросила Варя. Со всей своей скромностью и даже боязливостью, она вела себя куда более подходящим образом, чем хозяйка усадьбы.

– Нет. Свободна – ответила Анна и отмахнулась рукой. Варя поклонилась и вышла из комнаты, тихонько закрывая поскрипывающую дверь.

– Охх. Не могу поверить, что сегодня буду спать на нормальной кровати – сказала Лиза, присев на стул возле столика и продолжила, – но все равно, как же здесь ужасно. Эта полковничиха что-то бормочет, бормочет. А наряды их! Это же ужас какой-то! А ковер, ковер посреди двора в пыли! Какая глупость!

– А может не так уж все и плохо, – парировала Анна, проходя по комнате и поглаживая рукой предметы интерьера, – в конце концов, я никогда так далеко от дома не уезжала. Это же так интересно, в самом деле. Посмотреть другие края. Да и дурацкая дорога все-таки закончилась. А еще папенька обещал, что будут приемы.

– Приемы?

– Да! Представляешь, сколько здесь молодых офицеров собралось на учения! А девушек, по-твоему, сколько? Вот, милочка! Представь, столько прекрасных молодых людей и все их внимание только наше. Выбирай, кого хочешь.

– А это уже, пожалуй, интересно. Возможно, это лето и не будет таким уже ужасным – приободрилась Лиза.

Анна подошла к кровати, повернулась, расправила в стороны руки и завалилась назад на роскошное покрывало:

– А я думаю, наше лето будет прекрасным!

С этими словами юная Панина закрыла глаза, улыбнулась и уснула самым сладким сном, который только можно себе представить.

Глава 2

Все крестьянские дома в России похожи как две капли воды. Грубо срубленная изба пятистенка с двускатной соломенной крышей. Маленькие окошечки со ставнями да низкие двери, проходя в которые приходится сгибаться даже подростку. При входе в дом узкие сени, вечно заваленные скудной одеждой, лаптями, валенками и мелкой хозяйственной утварью. Внутри, напротив входа, большая печь, от которой и отапливались в холода, и готовили пищу, на ней же и спали самые слабые: дети, старики, да захворавшие взрослые. Здесь же, перед печью, стол, за которым ели, готовили еду, чинили одежду и просто проводили время в ненастную погоду. В соседней комнате широкие полаты в два ряда, на которых спали все, исключая тех, кому выпало греться на печи. Сквозь натянутый бычий пузырь в маленьких окошечках едва проникал свет. Проветрить можно было только сквозь открытую дверь, отчего в домах было очень душно. Вокруг дома небольшой участок, огороженный кривым жердевым забором. У зажиточных семей к дому пристроен сарай, а иногда даже небольшая баня по-черному. Срубы и заборы не красили, оттого они быстро дряхлели и превращались в унылое зрелище. На улицах и во дворах не было никакого мощения. В межсезонье деревни тонули в грязи, а в летнюю жару страдали от пыли.

В крестьянских семьях редко было меньше семи детей, да еще и пожилые родители часто жили здесь же. Потому в домах было тесно и большую часть времени деревенские жители предпочитали проводить на улице. А в летнюю жару не грех было и завалиться на ночь на сеновал или просто под навесом за сараем. На дворе держали живность: кур, гусей, коз, реже свиней. Крупной скотины не было. Коров и лошадей разводили помещики, в чьих хозяйствах крепостные трудились по три-четыре дня на неделе. Остальное время оставалось на свое хозяйство. Возделываемые поля находились вокруг деревни и принадлежали помещикам, но у каждой семьи был небольшой собственный надел, чтобы кормиться. Наделы эти распределяла община по числу едоков в семьях. Такой уклад жизни не менялся из поколения в поколение. Это где-то в городах развивалась архитектура, строились первые университеты, зарождалась философская наука, мода. А в деревнях люди жили ровно так же, как их отцы и прадеды. И только гнет крепостного права то усиливался, то чуть слабел, но только затем, чтобы укрепиться еще сильнее, в угоду властвующим элитам.

– Проснись, ну давай же, просыпайся! Про-сы-пай-ся!

Юная девчушка, стянув одеяло с лежавшего на полатах в духоте брата, начала дергать за ногу.

– Давай, вставай! Родители уже вернулись со службы, завтракают все. Пойдем же. Пойдем!

– Отстань! Дай поспать. Воскресенье же. Воскресенье, слышишь? Спать буду, – ответил юноша, не открывая глаз, отвернулся к стене, сжался в клубок и сделал вид, что продолжает спать.

– Ну и спи! – обиделась девчушка и вышла из комнаты.

– Леха, Ле-е-еха! – раздался громкий твердый голос отца из соседней комнаты:

– Ну-ка, вставай быстро и иди сюда. Еда остынет.

– Встаю, встаю. Ни посидеть вечером спокойно, ни поспать утром, ничего нельзя.

Парень шестнадцати лет с длинными темными волосами, худощавым лицом и слегка впалыми карими глазами, бормоча под нос, потихоньку встал, потянулся и стал натягивать на себя рубаху, валявшуюся рядом. Затем спрыгнул на пол и неспешно вышел в комнату, где уже собралась вся семья.

Алексей был третьим ребенком в семье, средним из трех братьев. Старшего завали Иван, младшего Юрий и еще две сестры: Нина, на год старше, и младшая в семье Лукерья, которую все мило называли Луша. Всего же в доме жили девять человек: родители, пятеро детей и семья недавно женившегося Ивана, – жена Катерина и новорожденный сын, также названный Иваном, в честь отца.

– Садись давай, соня, бери тарелку. Уже почти все слопали, пока ты спал. Вон, скажи Луше спасибо, что она твою порцию сидела, отбивала – строго, но очень по-доброму сказала мать.

Алексей присел, взял деревянную тарелку, налил из большого глиняного горшка похлебки, отломил кусок хлеба, взглянув на Лушу, улыбнулся и подмигнул. После чего принялся жадно уплетать свою небогатую трапезу. Похлебка, сваренная на половине курицы со свежим капустным крошечком, крупой, и еще совсем молодой морковью со свеклой, да большой кусок хлеба. Вот и весь привычный завтрак на селе в начале лета.

– Ну как, хорошо выспался? Родители с зари на ногах по хозяйству, все им помогают, еще и на службу успели. А он вон все дрыхнет. Вечером до полуночи все на звезды смотрит, мечтает небось, а потом спит, лишь бы ни черта не делать – начал отчитывать брата Иван, держа в одной руке ложку с похлебкой, в другой кусок хлеба, и оглядывая собравшихся за столом, будто ища поддержки своим словам.

– Полно тебе, Ваня! Ну любит помечтать мальчик. Ну и что? Завтра вместе со всеми будет и на барщине, и по хозяйству. Пусть мечтает, пока молодой – вступилась мать. На что Иван ехидно рассмеялся:

– Да. Что он там мечтает то? А ну-ка расскажи нам, о чем твои мечты. Небось царевичем из сказки себя представляешь? Во дворце с прекрасной женой и слугами? Нет, Лешка, ну лягушек то ты себе точно найдешь, но вот с царевной, – это я сильно сомневаюсь.

– Да может я бы и не сидел во дворе до ночи, а спать шел. Так ты же своего сына успокоить встать не можешь. Катка уже измотанная вся, не справляется, падает. А ты лежишь, вид делаешь, что спишь крепко. А все и молчат. Ребенок же, что тут скажешь, – наконец ответил Алексей.

– А ты не лезь не в свое дело, сопляк. И вообще, научись сначала с бабами общаться, потом будешь старших поучать.

Выражение и голос Ивана резко сменилось с надменного на агрессивное и он продолжил, обращаясь уже к остальным:

– Мечтатель то наш, как увидит соседку Ольгу, так и дуреет сразу. Она с ним поздорова-ется, а он как пень стоит и ответить не может, а морда красная. А в штанах то, наверное, буря, да Лёх? Ты дурнем то не будь. Оля девка видная, к ней уже половина села клеится. А ты дурушлеп, даже поздороваться нормально не можешь. Только и можешь пялиться издали, да о ней ночью за сараем вспоминать. Я же говорю, найди себе лягушку, это точно тебе по плечу. Вон Зинка толстуха, посмотрю на неё и сразу понимаю, Лешкина прям судьба.

– Ну- ка, заткнулись оба! – пресек отец, громко стукнув по столу кулаком – вы же братья. А грызетесь, как злые собаки. Ребенок есть ребенок, как отец его успокоит, титьку что ль даст? Ему пахать днем в поле. Ну а ты, Ванька, тоже умолкни. Ну не умеет он с бабами, так ты же брат. Мог бы и подсказать, и познакомить с кем. А вот так смеяться, это не по-братски.

Отец семейства, Игнат, слыл порядочным человеком, уважаемым в деревне. Всегда старался жить как заведено в общине. Тяжелая работа, непростой быт крепостного. Домой приходишь уже жутко уставший, а может и руганный помещичьим управляющим, а порой, и что греха таить, побитым тем же управляющим. Потому, дома, в большой семье не до нежностей. Порой, как напьется браги, мог и руки распустить на жену. Ну а детям в деревенских семьях доставалось постоянно. Но так тоже заведено. Потому, когда Игнат начинал говорить, все сразу

умолкали и слушались, независимо от того, был отец прав или просто зол, а может и вовсе, вдрызг пьян.

– Я что-то наелся. Спасибо, матушка.

Алексей взял тарелку с ложкой, вышел из-за стола, подошел к матери, поцеловал в щеку и, положив, посуду в тазик, вышел из дому.

Мать взяла полотенце, лежавшее у нее на плече и с силой кинула в Ивана:

– Зачем ты так?

Мать, Ксения, тоже была типичная крестьянка, измотанная жизнью. На ней лежало все хозяйство и забота о детях. В разгар сбора урожая работала в полях вместе с мужиками, да еще и порой приходилось ходить в поместье на барщину. Ну и муж, каждый выходной напивавшийся с соседями. В какой-то день мог вернуться домой и обнимать, целовать. А в другой день просто накинуться с кулаками и, был повод обоснован или выдуман, в общем-то ни на что не влияло. У Ксении с Игнатом родилось девять детей. Трое умерли еще до того, как им исполнился год, а потому даже не имели имен. Первенец же семьи, также в честь отца названный Игнатом, умер на восьмом году. Был июльский день, стояла жара. Все взрослые работали в поле на уборке. Младший Игнат пошел до реки с соседскими пацанами, чтобы охладиться. Зашел в воду, попал в полынью и утонул, не умеючи плавать. Пацаны от страха убежали и только спустя день, когда вся деревня уже обыскивала леса в округе, признались, что случилось. Порой мать рассказывала дочерям, какой красивый был Игнат в молодости, и как они поначалу любили друг друга. Как гуляли вечерами и мечтали, чтобы родители сосватали их меж собой. Но счастье прошло быстро. Появились дети, навалился быт, тяжелая крепостная жизнь, да и традиционный семейный уклад возобладал. Игнат стал порою жесток, а порою равнодушен. И теперь они просто живут. Ведь так тоже заведено.

Алексей вышел во двор, с психа пнул кем-то не к месту поставленное ведро, обошел сарай и присел на бревенчатую лавочку. Язвительность брата была ему понятна. Иван был наследником хозяйства и лишние люди в тесном доме ему были не нужны. Нина и Луша все равно в какой-то день выйдут замуж и уйдут, а Юра еще совсем молодой, оттого вся злость доставалась среднему брату.

Но, по правде говоря, вовсе не Ивановы придирки за завтраком так расстраивали парня. Он понимал, что с девушками у него не складывается. Дружья и даже те, кто был гораздо младше, уже во всю хвастались, как проводят время с девками, гуляя по вечерам и особенно летом, валяясь на сеновалах. И соседка Ольга ему и в правду очень нравилась. Часто в свободное время, оставшись наедине с собой, мечтал, как они наконец сблизятся, как он будет дотрагиваться до неё, обнимать и целовать и конечно зайдет дальше. Как они вместе будут гулять на зависть всем пацанам в округе. А порой эти мечты и мысли были совсем пошлыми, и от того, становилось очень стыдно. Будто никто другой во всем мире о таком не помышляет, но как же это было приятно. И уже спустя день он вновь грезил о ней.

Но чем сильнее были грезы, тем страшнее было по-настоящему заговорить. А что если я не нравлюсь ей, что, если она отошлет, а чего хуже, еще и расскажет – постоянно крутилось в голове. Оттого, мечтая вечерами о близости, при встрече он даже не решался о чем-то толком поговорить. А порой, Ольга просто здоровалась проходя мимо, а иногда смотрела издали прямо в глаза и так мило улыбалась, поглаживая свои роскошные русые волосы. А иногда ему даже казалось, что она сама искала встречи или повода остаться наедине. Но кто знает? А если это только кажется? И, в итоге, при каждой встрече он терялся, бормотал что-то под нос невпопад и, быстро поняв нелепость своих действий, стремился удалиться. Так в мечтах проходил день, потом еще один, потом другой и другой. Конечно, можно было особо не переживать. Пройдет еще год или два и родители приведут сватов и определят, с кем тебе жить. Но во многом удачное сватовство все же зависело от твоих отношений. А если у тебя никого не было и

вся община об этом знает, то и партия хорошая едва ли светит. А если сосватают к страшной, а если это толстая Зинка? Как жить то потом? Уж лучше в рекруты уйти или на завод.

– Э-э-эй!

В руку вдруг прилетел небольшой ком грязи.

– Ты чего как балбес сидишь с таким грустным видом. Воскресенье же. Гулять надо.

За жердевым забором стоял Васька, лучший друг Алексея.

– А, это ты. Привет! – ответил, наконец вернувшийся к реальности из глубокой задумчивости, Лешка, встал и пошел к забору:

– Да брат достал уже. Все ищет, как бы уязвить меня.

– А-а! Ванька то! Ну, старшие, они такие. Мы часто с братом дрались раньше. Из-за всего подряд. То игрушку не поделим, то он мой кусок за столом отнимет. Конечно, он сильнее был, потому все время побеждал. Но я хоть и знал, что отхвачу, а своего просто так не отдавал. Потому, когда постарше стал, он меня оставил в покое. А в прошлом году, сам знаешь, его на шахты барин продал на Урал какой-то. Теперь скучаю даже. Все равно родной человек.

– Моего бы куда отдали. Вот это было бы здорово. Помоги воды с колодца принести, я матери вчера обещал, и потом я свободен. Пойдем гулять, хоть до ночи.

Василий кивнул головой, перескочил через забор и прошел к дому:

– Дай хоть с родителями твоими поздороваюсь.

– Знаю я твое поздороваюсь. Все ждешь, что мать угостит чем. Так у нас сегодня ничего вкусного нет. Хлеб и похлебка.

Но Василий уже скрылся в сених к этому моменту. Через пару минут он вышел с горстью сухарей в руке.

– Ну вот. А ты говорил ничего. Доброму человеку всегда найдут угощения.

Алексей к этому времени взял пару ведер и коромысло и они вместе пошли до колодца, расположенного через пару домов. По пути из соседской избы тянуло таким манящим запахом свежеиспеченного пирога. Навстречу друзьям попала пара изрядно выпивших мужиков, одного из которых вдогонку отчитывала жена. Несмотря на еще довольно раннее время, деревня Сосновка уже всю жила самым желанным днем на неделе. Крепостные будни, тяжелая серая рутина. Оттого единственному выходному радовались от всей души, будто стараясь насытиться этими светлыми часами на всю неделю вперед.

– А чего Ванька то тебе наговорил, – жадно уплетая сухари спросил Вася, – я когда заходил, он вроде довольный был, поздоровался, про родителей спросил.

– Ай. Да ерунда всякая. Сам, наверное, выдумал – стесняюсь истинной причины, негромко ответил Алексей, – мало ли, что его злит. Малой спать всем не дает. Да и Катька после родов раздалась. Вот он и психует.

Друзья подошли к стоявшему в глубине улицы бревенчатому колодцу с двускатным навесом из соломы и жердей. Васька открыл и положил в сторону крышку, прикрывавшую колодец от грязи, взял крюк и зацепил первое ведро. Алексей начал крутить ручку, опуская ведро вниз. А друг, облокотившись на бревно серьезно, и немного с обидой, стал рассуждать:

– Что-то ты, братишка, не договариваешь. Ну, допустим, ты сам прекрасно знаешь, что брат твой не прав и все это просто придирки. А что тогда сидел такой грустный, будто кто-то умер? А сейчас почему такой хмурый?

– Да не хмурый я! Все замечательно, сейчас воды принесем для бани, да гулять будем до вечера, как хотели, – ответил Алексей и улыбнулся, – все у меня прекрасно.

– Ты меня за дурака то не держи! Я тебя сколько лет знаю. И вот эту улыбку твою знаю. С детства, как обидит кто, а ты, чтобы не позориться и мать не расстраивать, вот такую улыбку наденешь и все свое «Все прекрасно у меня». А у самого синяк на утро с пол лица.

Ведро упало на воду в колодце, наполнилось и Алексей начал тянуть вверх:

– А знаешь, ты прав! Тебе врать не хочется, – речь его стала увереннее и быстрее, – Ванька прав в чем-то, от того я и бешусь. Ты же, наверное, и сам догадываешься, что не складывается у меня с девками. Как идиот себя веду. Я знаю, что за спиной уже шепчутся. А этот дурень в лицо говорит, да при всей семье. А главное, что мне и ответить то нечего. Сижу, гадости себе придумываю, чтобы его зацепить в ответ.

– Эй, эй, эй! Давай-ка полегче. Ты вон в ведро загляни. Там себя увидишь. Молодой парень, сильный, мордой хорош, уже жених завидный, чего говорить.

Оба они рассмеялись. Но Васька продолжил:

– Я ж твой лучший друг, ты почему давно уже не спросил помощи? Вот что, неси-ка ты сам ведра домой и второй раз один иди. А я пока пойду прогуляюсь до Филатова дома. Я его дочку, Дашку, приглашал погулять сегодня с нами. Нужно, чтобы она кого-то из сестер с собой взяла. А там мы с тобой вместе разберемся. Я тебе помогу. Ты ж мой братишка.

Ванька потрепал по голове друга и радостно побежал в проулок, на ходу выкрикнув:

– Через час у дома Филата! – вид у него был такой, что он сегодня совершит какое-то великое, очень благое дело, да еще и глядишь, на всю деревню об этом прокричит.

Алексей проводил друга взглядом. Вытащил из колодца второе ведро, повесил на коромысло и пошел в сторону дома, перешагивая лужи, оставшиеся от вчерашнего ливня. Настроение при этом с каждым шагом становилось лучше:

– А может и правда нужно сделать этот шаг сегодня. Порвать этот чертов круг невезения.

Он знал, что Васька хоть и был почти на год младше, не стеснялся любых тем. И с девушками у него дела ладились хорошо. Дашка была уже далеко не первой, с кем друг видел того. Дойдя до дома, он увидел Ивана, копавшегося во дворе. Тот с ухмылкой посмотрел на брата и отвернулся. От этой ухмылки желание изменить что-то сегодня стало еще сильнее.

Ровно через час друзья встретились на соседней улице возле Филатова дома. Филат был очень хороший и добрый мужик. Может от того, что из всех восьмерых детей у него не было ни одного пацана, а может потому, что он от природы был мягкий характером. В любом случае жена и дочери крутили им, как хотели. И все пацаны в деревне знали, что можно захаивать в Филатов дом. И тебе никто по башке не даст, как часто могло случиться с непрошенными женихами в других семьях.

– Ну как, натаскал воды? Я смотрю, вид у тебя уже повеселее, чем час назад был. Это хорошо. Девки не любят хмурых нытиков.

В этот момент в ограду со стороны дома вышли две девушки, сестры, Вера и Маша. Обе рыжеволосые, стройные, с усыпанными веснушками лицами. У старшей из них, пятнадцатилетней Веры, волосы были коротко острижены чуть ниже плеч и поэтому сильно вились, почти закручиваясь в кудри. Младшая же, тринадцатилетняя Маша, наоборот, гордилась длинной косой, опускавшейся сильно ниже талии.

– Привет, девчонки! – первым поздоровался Васька, – как дела, как настроение сегодня? Дома все в порядке?

– Замечательно дела, а как вас увидели, и настроение замечательное стало, – ответила, кокетливо улыбаясь Вера, – вот с Машкой с утра сидели, скучали, думали, где день провести. А тут вы идете. Так неожиданно, как совпало. Да, Маш?

Вера и Васька хитро переглянулись и подмигнули друг другу. Василий и вправду хорош с женским полом. Хоть и не слыл ни красавцем, ни силачом, да и говорил часто об одном и том же. Зато напора и некоторого нахальства в этом деле ему было не занимать. С полгода назад он даже обхаживал Софью, дочку местного попа. И она отвечала взаимностью. Они вместе часто гуляли, а сам Васька рассказывал такое, о чем даже женатые мужики не хвастают перед друзьями. Но потом слухи дошли до попа, и он сильно избил незваного жениха, а его отцу угрожал, что пожалуется барину и сына продадут на рудники, как старшего брата. Алексей,

часто слушая рассказы друга, поражался, как девчонки могут на такое клевать? Неужели они не понимают, какую чушь он часто несет. А они смеются и ведутся на это.

– Вон, Леха только с утра рассказывал, какое классное место он знает на окраине города. Но он туда водит только самых близких друзей, – начал с таким особо важным и таинственным тоном Василий. Верно Лех?

– Конечно! Я давно это место нашел. Оно и впрямь особенное. Вот увидите. Это недалеко от города, нужно вдоль реки идти.

Девушки вышли за калитку, и они всей компанией пошли по деревне в сторону речки. Девчонки впереди, а парни сзади в десятке метров.

– Какое, блин, место, ты чего несешь, мне куда вас теперь вести? – начал шепотом возмущаться Алексей.

Васька положил руку на плечо друга, склонился к уху, и вполголоса стал рассказывать, зачем-то махая при этом второй рукой:

– Да всё в порядке! Это и в правду возле города, почти на берегу Сосны. Там сарай, куда семья городских сено для скотины складывает. Но сегодня воскресенье, их там точно не будет. При чем саму скотину они туда не водят. Понимаешь? Там крыша, сухая, сено сложено и чисто. Что еще нам нужно? Мне об этом месте в прошлом году пацаны рассказали. Я там с молодой попадшей бывал. Главное, чтобы там таких же как мы не оказалось в этот час – и продолжил:

– Смотри лучше, какая у нас с тобой компания сегодня. Машка то выросла уже тоже. Смотри, фигура какая у обеих.

Алексей посмотрел вперед. Компания была и в правду прекрасная. Обе девушки стройные, в облегающих белых сарафанах, подчеркивающих молодые округлые формы ниже тонкой, как осиной, талии. Было видно, что они тоже по дороге о чем-то тихо переговаривались. То одна, то другая иногда оборачивались, мельком оглядывали своих спутников и, ничего не говоря, лишь так маняще улыбались. Настроение от всего этого становилось все лучше, а мысли о робости перед соседкой и про придирки старшего брата и вовсе улетучились.

– Так! Теперь слушай. Вон там, после развилки, одна дорога уходит направо, в город, а другая почти незаметная идет дальше, нам на незаметную. По ней вскоре сарай и увидим. Ты давай, не оплошай. Сделай вид, будто ты один это место знаешь. Ну ты не дурак, придумаешь.

Когда девушки достигли той самой развилки, Алексей довольно громко, но с тоном, будто шепчущим, крикнул:

– Стой!

Девушки остановились и лишь когда друзья подошли ближе, парень продолжил:

– Нам налево. Но есть одно условие. Мне об этом городские рассказали. Место это чертовщиной славится. Если два мужика пойдут или две девки, то беда будет с ними. Обязательно захворают или неприятностей сыщут. Это все от того, что вдова здесь рядом в речку кинулась, от того, что горя вынести не смогла и утонула. А место прокляла, так что кто сюда без пары ходить будет, того несчастье и настигнет. И даже городские за сеном сюда стараются ходить по двое, мужик да баба. Потому давайте-ка разделимся по парам, прежде чем дальше идти.

– Ну ни фига ты заливаешь, красавец, так держать – прошептал Васька на ухо, не скрывая удовольствия своим новоиспеченным учеником.

Спутники разделились по парам. Василий с Верой и Алексей с Машей. И так парами и пошли дальше. Через пару минут они вышли к небольшому обрыву, вдоль которого спускалась узкая крутая тропинка вниз на самый берег речки Тихая Сосна. А в десятке метров стоял сарай, дальше за которым шел просторный луг. Скошенную траву с этого луга и складывали в сарай городские жители, чтобы не хранить сено возле дома в городе, где просто могло не быть для него места. Три стороны сарая были защищены горбылем, а третья, открытая сторона, выходила видом на реку и отсюда открывался прекрасный вид на Тихую Сосну и бескрайние поля с пролесками на другом берегу. Легкий ветерок будто волнами колыхал траву, меж которой

цвели полевые цветы и тянуло свежим луговым запахом, немного разбавленным сыростью от прошедших дождей.

– И в прям прекрасное место, – подумал Алексей.

Парочки подошли к сараю. Васька посмотрел на друга и пока девушки отвлеклись, взглядом показал расположиться здесь на краю. А сам что-то на ухо прошептал Вере. Она в ответ улыбнулась, но почему-то слегка стукнула спутника по груди, будто он сказал, что-то не вполне подобающее. Тем не менее, они прошли вглубь сарая и удобно расположились на краю хиленького сеновала, хранившего остатки прошлогодней травы. Алексей с Машей уселись на бревне возле входа в сарай, боком к реке и другим боком к сеновалу. Они посмотрели друг на друга, потом, будто со смущением, оба резко отвернулись к речке. На пару минут установилась неловкая пауза.

– Как дела? – немного робко начал Алексей, – я тебя не сразу узнал, ты вон как выросла, а почему-то мы последнее время и не общались. Раньше детьми были, помню, играли каждый день вместе.

– Да я помню, – робко улыбнулась Маша, еще не решаясь повернуться к собеседнику, – я все время за вами бегала, хотела играть вместе, а вы от меня убегали. И даже прозвище придумали обидное. Как оно? А-а! Рыжий хвост. Я так обижалась на него. Вы сбежите от меня, а я домой иду и рыдаю за избой.

– Ага, помню! Рыжий хвост. Мы же дурачки были. На пару лет старше, а казалось, уже взрослые. Мне теперь вот стыдно стало за себя тогда. Алексей наконец повернулся к спутнице, – нам потом, помню, твоя Варька таких тумачков отвешивала за эти прозвища. Вспоминаю и голова болит, как она меня за волосы оттаскала, и не раз ведь.

– Да. Варя всегда за меня заступалась. Вместо отца порой следит, куда идем, с кем, когда возвращаюсь.

– А где она? Сегодня не видел её.

– Её барыня на все лето в поместье поселила. Какие-то жутко важные гости приезжают. Она прислуживать им будет. Бедная. Её сватать должны были летом. А теперь неясно, что будет и когда. Да и нашей барыне служить, уж лучше в поле работать под солнцем. Да и барин. Она рассказывала, как порой работает по дому, а он уставится и смотрит, будто глазами раздевает и только дышит глубоко, ничего не говоря. А эта дурная увидела раз. Так она сразу ничего не сказала. А потом Варьку за волосы оттаскала и руку специально кипятком облила. Надеюсь, меня к ним не отправят никогда.

– Эх х. А как хорошо было тогда, совсем маленькими. Ни на барщину не ходили, ни в поле не работали. Только порой мать отправит мужикам хлеба и воды отнести. А так бегаешь, гуляешь. Чем старше, тем тяжелее.

Алексей вздохнул, глядя в сторону реки, потом они оба повернулись в сторону сарая, где Васька крепко одной рукой обнимал Веру со спины в уровне груди, а второй при этом поглаживая по ноге. И с каждым движением рука, словно нечаянно, задевала сарафан, задирая его все выше. Парочка, увидев, что на них смотрят, лишь, ехидно улыбнулась, а Василий подмигнул другу и кивнул головой в сторону, будто побуждая и того не сидеть, теряя время.

– А ты красивая стала. Красивее всех сестер – не стал игнорировать совет друга последний.

– Да ладно тебе, – смутилась Мария, – все же знают, что у нас Варя самая красивая.

– А я говорю, что ты очень мне нравишься. По-честному говоря, я такого еще никому не говорил.

Алексей посмотрел прямо в глаза девушке, они оба невольно потянулись друг к другу. Маша закрыла глаза. Сердце в груди у парня было готово выскочить наружу, руки будто занемели. И вот, когда их губы уже были в сантиметре друг от друга, раздался крик:

– Дурак, ты чего творишь? Совсем обалдел, что ли?

Вера подскочила и вlepила по лицу спутнику. Тот тоже вскочил и отпрыгнул в сторону. И тут стало видно, что пояс его развязан, а штаны приспущены, обнажая все мужское достоинство. Васька стал спешно натягивать штаны, бормоча под нос, что-то вроде:

– Подожди, подожди, ты не то подумала!

– Пойдем Маша, дорогу обратно сами найдем. Вера быстро, почти бегом, пролетела мимо, схватила сестру за руку и они спешно удалились из виду за поворотом, по поросшей травой дороге. Маша лишь успела выкрикнуть:

– Еще свидимся!

– Ну ты братишка, конечно, показал урок. Урок как точно получить по морде от бабы, – рассмеялся Алексей.

– Я тебе сейчас по морде дам, – завязывая пояс, с яростью ответил Васька.

Алексей понял, что, наверное, зря в такой момент пошутил над другом. И что тот сейчас точно кинется драться. А драться с другом ему сегодня вовсе не хотелось. Потому он быстро побежал обратно по дороге от сарая. Добежав до отходившей тропинки, повернул на неё и быстро спустившись к берегу сбавил шаг, пройдя пару сотен метров, уселся на самом краю у реки. Перед ним проносилась вода, теребимая легким ветерком. На её глади переливались отблески летнего солнца. И хоть столь долгожданное сближение с девушкой закончилось вовсе не так, как должно было, дышалось в этот момент как-то особенно легко и приятно. Сердце продолжало быстро биться. А на душе было спокойно. Особенно от того, что не так уж все и просто, как Васька хвастал. И значит не так уже все и плохо у него самого.

– Какой же хороший день, это воскресенье. Да все у меня будет хорошо! – негромко, сам себе, сказал Алексей. Завалился на спину на молодую траву, зашурил глаза от лучей солнца, а потом и вовсе закрыл их и немного задремал в таком сладком беззаботном сне.

Глава 3

Алексей вернулся домой только ближе к вечеру. Из натопленной бани шел дым. Посреди двора стоял стол, за которым расположились отец, Иван и дядя Матвей, приходившейся младшим братом Игнату. Распаренные после бани, они выглядели уже изрядно пьяными, шумно о чем-то беседовали, продолжая при том распивать прохладную брагу, стоявшую в большом кувшине посреди стола. Из еды к браге были невероятно притягательно пахнущий рыбный пирог, смазанный сверху сметаной, мелко нарезанная кровяная колбаса, квашеная капуста и мёд. Мать с Ниной стояли в стороне и также шумно разговаривали с соседкой. А по двору носились Луша, Юрка и двое сыновей Матвея примерно того же возраста, они периодически подбегали к столу, хватая что-нибудь съедобное. Сидевшие за столом мужики ругались, но в итоге только улыбались в след маленьким воришкам. Крестьяне праздновали воскресный день. День, когда они могли отдохнуть от тяжелого труда и просто радоваться жизни.

– Привет, дядя Матвей, – поздоровался Алексей.

– Привет, Лешка, – ответил Матвей. – Как жизнь молодая, говорят весь день где-то носишься сегодня?

– Да, дело молодое, пусть носится пока время есть. Потом трудно со временем будет, – вмешался Игнат. – Ты Леха иди в баньку, Юрка тебя веником попарит, помойся и садись к нам. Чего тебе с бабами или с детьми шархаться.

Алексей позвал младшего брата и пошел в небольшую баню на краю двора. Войдя внутрь, он выгреб тлеющие угли и золу из топки, на минуту настежь открыл дверь и волоковое оконце, чтобы проветрить от дыма, потом окатил камни водой и залил лежавший в тазике сухой березовый веник кипятком. После всех приготовлений развалился на полках. Минут через пять забежал Юрка, с ходу схватил свежераспаренный веник и начал со всей силы хлестать брата и смеяться.

– Ну ка, потише давай, а то я тебя в ответ напарю, – возмутился юноша.

Юрка от этого только чаще стал колотить веником, приговаривая:

– Не догонишь, не догонишь, – а, закончив экзекуцию, резко бросил веник и побежал прочь, продолжая свое, – не догонишь, не догонишь!

Лешка встал с полков. Мокрый, красный, с прилипшими березовыми листьями, но при этом довольный и улыбающийся. Вышел на улицу и окатил себя из ведра. Как же это приятно вот так прогреться, потом облиться холодной колодезной водой. И уже никакая летняя духота нипочем. Натянув штаны и рубаху, подошел к столу, присел, налил из кувшина прохладной, только недавно из погреба браги, залпом выпил всю кружку и принялся жадной уплетать рыбный пирог.

– Слышал новости? – обратился отец, уже не особо разборчиво говоривший к этому моменту, – какие-то гости приехали к барину на все лето. Завтра Тихон затребовал к себе аж двадцать человек в поместье. Работы, мол много. Так что Ванька завтра будет на барщине в поместье и знать нам с тобой вдвоем на барском поле сорняк полоть.

Игнат развел руками и покачал головой вверх-вниз. Глаза его уже были скорее закрыты, чем открыты.

– А может я пойду в поместье? – ответил Алесей. – От Ваньки проку больше в поле, чем от меня. Да и не любит он у барина на усадьбе.

Работать в усадьбе у барина и его взбалмошной женоушки никто не хотел. За любой проступок могли жестоко наказать. А бывало и такое, что Ольга Петровна указывала что-то сделать, а полковнику это очень не нравилось и та демонстративно выставляла виновным выполнявшего указания, за что слугу могли в итоге сурово «отблагодарить». И попытки оправдаться

приводили только к ужесточению наказания. Работа в поле была тяжелой, но менее опасной. Делай себе дело и делай. Но Алексею очень хотелось посмотреть, что там за важные гости прибыли. И почему столько шума вокруг них.

– Спасибо, братишка, – ответил Иван. – Я хоть с семьей побуду утром. И-и-и. Ты это. Ну как сказать. Не обижайся в общем, я немного лишнего утром наболтал.

– Да и я не хотел твоих обидеть. Ванька твой славный пацан и Катька мне как родная уже. И вовсе они мне не мешают.

– Да мешают. Я сам не сплю пятый день от визга по ночам, – улыбнулся Иван.

– Ну вот и славно, слав-не-нь-ко, – вмешался уже совсем пьяный Матвей. – Какие славные у меня племяхи. Ну к-а-а-а, давай выпьем!

Все сидевшие за столом бодро подняли кружки, чокнулись и, залпом выпив брагу, по очереди громко стукнули по столу кружками.

Рано утром, наспех позавтракав и собрав с собой на обед сухарей, да квас во фляжке, Алексей пошел в поместье полковника Власова. От Сосновки до поместья на окраине города было всего полторы версты по хорошо протоптанной дороге. Несмотря на ранний час, уже ярко светило солнце, а абсолютно чистое небо предвещало еще один душный июньский день. Выходя за околицу, он увидел впереди еще несколько односельчан, видимо идущих тем же путем, но в этот момент ему совсем не захотелось такой кампании. Опять одни и те же разговоры, одни и те же стенания о тяжелой жизни. Ну уж нет, в такой прекрасный день хочется прогуляться, подумать о чем-то приятном, помечтать о чем-то светлом. И уж потом приступить к тяжелой работе на барщине. От того он свернул ближе к краю пролеска вдоль дороги и замедлил шаг. Не прошло и полчаса как Алексей оказался перед воротами в желтом заборе, ограждающем подворье барина. Вход охраняли трое солдат в зеленых мундирах, расслабленно о чем-то болтавших меж собой и пытавшихся укрыться от утреннего солнца в тени забора. Вдруг ворота закрипели и начали открываться. Пара солдат резво встала по стойке смирно по обе стороны от распахнувшихся воротин, а третий подскочил к Алексею, вытянул двумя руками ружье перед собой и преградил путь:

– Стоять. Куда идешь?

– Я Леха. Из деревни. Сын Игната. Мне велено прибыть сегодня в услужение в поместье.

– Подожди здесь. Сейчас генерал уедет, тогда пройдешь, – солдат опустил ружье, повернулся, упер приклад в землю и выправился. От ощущения власти, пусть и на минуту, пусть и над одним крестьянином, вид у него стал такой важный и можно сказать даже надменный, будто он вовсе не рядовой.

– А что за генерал? Из столицы? Я сроду генералов не видел.

– Конечно не видел, куда тебе. Генерал Панин, командующий учениями, которые тут у вас будут. Огромная армия собирается. Говорят, тыщ десять будет.

В этот момент из ворот выехала черная коляска, запряженная парой лошадей. Позади за извозчиком сидели полковник Власов и его спутник в роскошном мундире и шляпе. То, что все это одеяние очень дорогое, было очевидно даже крепостному, который никогда таких мундиров и не видел. Следом за повозкой проскакали трое кавалеристов – охрана генерала и приставленный адъютант. Коляска с сопровождением быстро скрылась за поворотом, оставив только пыль на дороге.

Солдат повернулся, отшагнув в сторону и рукой велел проходить дальше во двор. Пройдя за ворота, Алексей увидел, что почти все двадцать человек, призванных на сегодня, уже собрались и стояли, вяло переминаясь с ноги на ногу вдоль сарая в глубине подворья. Через пару минут из дома вышел высокий широкоплечий мужик, слегка сутулый, с крупной головой и огромными кулаками. Вразвалочку он подошел к собравшимся крестьянам, сурово оглядел, и негромким, слегка хриплым, но очень внушительным голосом начал:

– Так. Я смотрю все собрались. Хорошо. Встаньте вот здесь поближе, чтобы всех видно было. Эй, Дашка, к тебе тоже относится.

Немолодая баба, о чем-то перешептывающаяся с соседкой, вскочила, подбежала ближе и заискивающе глядя под ноги, ответила:

– Да, да, да, Тихон. Прости дуреху, немного отвлеклась. Я слушаю, слушаю.

Полковник не особо любил сельские дела, и почти не бывал в принадлежавшей ему деревне. Но видимо по армейской памяти, по очереди собирал у себя в поместье всех своих крепостных, осматривал их, словно солдат на построении, что-то расспрашивал и давал напутствия. И больше ни во что не лез. Делами же в реальности заведовали супруга Ольга и управляющий поместьем Тихон. Крупный, очень сильный и постоянно хмурый, Тихон славился своей жестокостью по отношению к крестьянам. Порой даже барину приходилось его уговаривать в наказании провинившихся. Многие в деревне могли похвастать увечьями, оставшимися после таких наказаний. А несколько человек и вовсе отправились на тот свет, не выдержав истязания. И все это при том, что Тихон сам был крепостным. Родители его жили в деревне еще при предыдущем помещике и умерли в нищете, а сам он еще несколько лет назад тянул лямку вместе с остальными. Но когда деревню передали Власову, крепкий мужик, не стеснявший себя ни в чем при обращении с односельчанами, быстро поднялся. И теперь он не только следил за дисциплиной, но и заведовал многими хозяйственными, и даже финансовыми делами. Тихона сильно боялись в деревне и, в то же время, ненавидели больше, чем любого помещика. Как мог человек, выросший в крепостной семье, так относиться к своим односельчанам? Потому со временем он переехал из деревни в город, где барин пожаловал ему хату-мазанку, как у свободных горожан и даже разрешил привлекать других крепостных прислуживать по дому.

– Так. Ты, ты и ты, – Тихон указан слегка согнутым толстым пальцем на пару женщин и молодую девушку, а потом, махнул показывая отойти в сторону, – идете в палисадник, пересаживать цветы. Ольга Ивановна сама все покажет.

– И еще двух человек нужно. Ты, Дашка, – палец указал на заболтавшуюся парой минут назад крепостную. И-и-и, наверное, Игнатов сын. Да. С ним ты хоть болтать меньше будешь. Тихон ухмыльнулся и показал им также отойти в сторону, а сам продолжил: – За сараем стоит карета, нужно её отмыть начисто, чтоб сверкала. Тряпки и ведра возьмете в доме у Варьки. Но ни в коем разе вам убогим не позволено открывать её и внутрь даже заглядывать, понятно вам?

– Остальные сегодня при доме не нужны. И без вас многолюдно. Идите в хозяйство с Фомичом.

В этот момент со стороны крыльца показалась помещица Власова. Она неспешно подошла, встала справа от Тихона и сурово оглядела собравшихся.

– Матушка, Ольга Ивановна, хочет сказать пару слов, – управляющий приклонил голову и жестом руки показал в сторону крестьян.

– Так, голубчики, – начала помещица. Голос у нее был немного писклявый, и отталкивающий, можно даже сказать смешной. Но вот только крепостным, вовсе не приходило в голову смеяться. Общение с помещицей, как правило, не сулило ничего хорошего. – У нас очень важные гости на все лето. Когда кто-то из их светлостей во дворе, продолжайте делать свою работу, голову не поднимать, в сторону господ, упаси Господи, не смотреть. И вообще, не дай Бог увижу, как вы хоть что-то не то сделали в их присутствии, беда будет вам, вот честное слово. Все поняли?

Крестьяне стояли, понунив головы в землю и только чуть кивали.

– А теперь быстро за работу! Тихон, команду давай сам, не давай им спуска. Им только ослабь хватку, так и проболтаются целый день.

– Да, матушка. Т-а-а-к! Ну-ка. Слышали? За работу. Быстро! – Тихон стал хлопать, а собравшиеся, не поднимая головы, начали разбегаться, делая вид, что работа вот-вот закипит.

Алексей с назначенной напарницей, пошли за ведрами и тряпками к Варе. Тетя Даша была не лучшим компаньоном. Ленивая руками, она славилась бойкостью на язык. Все что будет ей сказано, будет приумножено втрое, искажено в нужную рассказчице сторону и растрезвонено на всю деревню. А потому с таким человеком лучшее вообще поменьше говорить. И уж точно не делиться чем-то важным. Отчего он старался всем видом показать, что не жаждет общения, а когда та попыталась завести разговор, демонстративно отвернулся.

Молча они взяли инвентарь, тетя Даша о чем-то поболтала с Варей. Алексей за это время наполнил ведра водой из колодца. Они вновь встретились за большим сараем, где посреди выложенной досками площадки, стояла роскошная карета того самого важного столичного генерала. Никто из них никогда раньше не видел подобной роскоши.

Большой черный экипаж, щедро украшенный декором серебряного цвета. Сзади огромные, по грудь взрослого человека, колеса с посеребренными спицами, передние колеса чуть поменьше. Спереди высоко поднятая скамейка для извозчика, а сзади широкие запятки для лакеев. По бокам по центру двери с оконцами, завешанными изнутри плотными шторами из красного бархата. А на дверях красовался родовой герб Паниных: три рыцарских бюста, шлемы с красно-золотыми забралами, поверх шлемов короны, на средней из корон двуглавый орел, а под рыцарями две страшных рыбины, каждая на голубом фоне, разделенные желтой полосой. Интерьер же кареты был надежно скрыт задернутыми шторами.

Алексей подошел к карете, провел рукой по грязной дверце, внимательно рассмотрел герб, декор, место извозчика, заглянул под колесо, внимательно осматривая пружину на соединении колес с осью.

– Вот это да! Какая красота! Ты думала, что такое вообще есть на свете? Я ничего кроме телег и коляски барина не видел. А тут какая красота, посмотри. И эта пружина на колесах. Это же чтобы не било по хребту, когда едешь в телеге. Представляешь? А этот герб! Один чёрт его знает, что все это значит, но ведь каждый символ, что-то значит. Представляешь? Понимаешь, какая история у этой семьи?

Вот так, невольно, он сам начал разговор и у тети Даши наконец появилась возможность прервать молчание.

– Да какая тебе разница? Нам с тобой что эту карету мыть, что телегу после перевозки забитого скота. Ни там, ни там мы с тобой пассажирами не будем, – рассмеялась Дарья и сразу перевела разговор в нужное ей русло, потихоньку начав оттирать грязь с порогов экипажа.

– Ну как дела Лёшенька, как родители?

– Да нормально все. Вы же с ними виделись позавчера, – ответил Алексей, забравшись на скамейку и начав оттирать верх кареты.

– Да. Да. Ну, мало ли. Может, что-то тревожит, поговорить хочешь. Со мной то можно. Я ж не первый год живу. Ко мне многие приходят за советом. А где-то и слово замолвить могу. Так что знай, коль что, можно к тете Даше обратиться.

– Хорошо!

– А сам как? Как с девчонками дела? Вчера видела, вы с Васькой и Филатовыми дочками, как их там, Вера и Маша. Ага, с ними, видела, гулять пошли. А потом, говорят, они обратно одни пришли, ругались о чем-то. Вы повздорили, что-ль? Это, наверняка, все дружок твой. Дурной он какой-то, болтает всякое и брат такой же был у него. Того уж сослали и этого, Ваську твоего, туда же отправят.

– Все то вы, я смотрю, знаете, – Алексею, конечно, было что возразить, но ввязываться в склоку с таким человеком себе дороже выйдет, – ты зря так начала снизу грязь оттирать. Когда верх будем мыть, все вниз стечет и опять испачкает, потом снова мыть.

– А ты, родненький, спешишь куда-то? Ну и помоем. Женщина явно обиделась на собеседника. – Нам, Лёшенька, спешить то не надо. Это ты со своим Васькой в общении с девками спешишь. А нам не надо. Ну сделаешь ты работу раньше и что? Спасибо скажут, кулича отре-

жут к чаю и домой пошлют? Н-е-е-т. Пойдем помогать скот кормить иль цветы садить. Так что ты не спеши. Три себе и три грязь. К вечеру управимся.

Алексей промолчал и продолжил работу. Логика тети Даши претила ему, но по-своему она была права. Инициатива для крепостных редко вознаграждалась. Дальнейшая работа у них прошла в молчании.

Спустя четыре часа, дюжину ведер с водой и десяток испачканных тряпок, карета стояла, сверкая чистотой. Серебряный декор, спицы колес, гербы на дверях переливались на солнце.

– Ну вот. Готово, – сказала Дарья, – посидим еще часок с тряпками в руках, если кто пройдет, а потом пойдем Тихона звать, что работа готова.

– Согласен. Время еще есть. Не будем спешить. Алексей залез на лавку извозчика, гордо выправился и сделал вид, будто управляет запряженным экипажем.

Тетя Даша довольно ухмыльнулась.

– Давай, поддай-ка! Быстрее гони, – подбадривала она.

– А знаешь, тебе никогда не было интересно, как это, быть барином? Быть свободным и богатым. А как это быть генералом? Командовать тысячами людей, видеть царей, говорить с ними. Иметь много слуг. Каково это, когда тебе есть готовят, убирают за тобой, одевают и зад вытирают?

– Ай, не носи ерунды, они такими родились, а мы откуда это все узнаем. Вон какой извозчик из тебя важный. Глядишь, барин приметит и будешь коляской его править.

– А мне вот интересно, – Алексей спрыгнул с лавки на землю, подошел к двери и взялся за ручку, – что там внутри? Каково это сидеть там, смотреть сквозь окошко. Смотри, со стеклом окошко, не то, что у нас в домах, – с этими словами потянул ручку вниз.

– Дуралей, ты что творишь? Тихона же слышал. Ни в коем разе не лезть внутрь. Ну-ка, Лешка, руку убери быстро!

Но было уже поздно. Он нажал на ручку и потянул, дверца отворилась и путь внутрь этого неведомого, такого манящего, такого не то, что не достигаемого, а даже никогда не виданного мира, открылся.

Внутри экипаж выглядел, пожалуй, еще роскошнее, чем снаружи. За бархатной, шторкой с кисточками золотистого цвета скрывался интерьер, отделанный темно-красным бархатом и лавки со спинками, обшитыми соболиными шкурами.

Алексей закрыл за собой дверцу, облокотился на спинку, отодвинул шторку, закрыл глаза и погрузился в мечты. В этот момент он искренне представил, как едет в этом экипаже, смотрит сквозь застекленное окошко. А люди снаружи кланяются и с восхищением смотрят на него, смотрят на его родовой герб. И он, конечно, знает откуда появился каждый символ на этом гербе, какая славная история его предков кроется за ними. Конечно знает, какой он важный и влиятельный. Знает, какие славные вещи еще совершит и как они тоже лягут на этот прекрасный фамильный герб, гордостью потомков.

В следующую секунду противоположная дверца кареты резко открылась и Алексей сам не успел понять, как кто-то вытащил его за руку на улицу, резко ударил массивным кулаком в живот и кинул на землю. Интуитивно он попытался вскочить, но еще один удар в живот резко оборвал попытку. На этот раз били тяжелым сапогом.

Это был Тихон. Видимо он пришел принимать работу в самый неподходящий момент. Тетя Даша в ужасе стояла в углу у сарая и только что-то бормотала под нос в свое оправдание.

– Вставай сучонок! – Тихон взял юношу за шкуру и потащил перед собой в основной двор. В углу двора стоял столб, к которому привязывали крепостных для побития плетью или палками.

Управляющий кинул провинившегося на землю возле столба и приказал подошедшему слуге Коле привязать, а сам отошел в сторону сарая.

– Ну что, милый – обратился Николай, – что ж ты так попался то дурень?

– Да я. Я же. Я не пакостил же ничего.

– Пакостил, не пакостил. А плеток получишь теперь, – Николай обмотал запястья Алексея веревками и стал привязывать к столбу, так что руки последнего оказались чуть выше головы. А сам Коля в это время потихоньку приговаривал: – Ты это. Ты держись теперь. Постарайся о чем-то думать. О хорошем. Говорят, о бабах если думать, не так ужасно больно. И это. Рубашку сними. Она боль не смягчит, а грязь попадет, рана загноит. И это, это. Старайся не орать. Вон смотри, уже собрались на зрелище посмотреть, не дай им радости.

Двор и правда уже наполнился всеми, кто в этот день работал в поместье. По лицам было видно, что кто-то искренне сопереживает за односельчанина. Кто-то просто хотел потехи. А некоторые откровенно злорадствовали. Привязанный Алексей исподлобья оглядел собравшихся.

– Ну уже нет. Не увидите вы мое унижение сегодня, – подумал он.

Тихон вернулся также стремительно и решительно, как ушел. В руках была огромная плеть, метра два длиной, на длинной деревянной ручке. Без лишних церемоний, ничего не говоря, он прямо с ходу размахнулся и плеть, со свистом извиваясь в воздухе, ударила о спину с пронзительным звуком. Алексей чуть не закричал от неожиданности, но успел сдержаться и издал только невнятный вой. В глазах засверкали искры, а челюсти сжались до резкой боли в зубах. На спине, в месте касания плети, зарозовела первая рана. Управляющий вновь замахнулся, по напряжению на лице было видно, что бить он будет со всей силы, как только может. Снова свист плети. Удар. И снова лишь невнятный вой. Спустя пару мгновений вновь удар. В глазах у избиваемого вдруг потемнело. Но третий удар показался легче. Видимо болевой шок притупил восприятие.

В этот момент со стороны крыльца появилась Ольга Ивановна в компании Анны, Лизы и сопровождавшей их Вари. Барыня решила похвастать юным гостям своим только что обновленным палисадником. Заметив хозяйку, Тихон на мгновение замер. Помещица взяла девушек за руки и попыталась увести.

– Не обращайтесь внимания ваши светлости! Эти крестьяне такие ленивые, да еще и паршивцы неблагодарные, хитрые. Коли не наказывать, так и сожрут нас с потрохами. Не для ваших прекрасных глазок это зрелище.

– Да, пожалуй, пойдете, – слегка опешила Елизавета, – пойдете Анна, не люблю я такие зрелища.

– А за что его так? – поинтересовалась молодая графиня.

– За что ты его Тихон? – переадресовала вопрос помещица., а управляющий ответил:

– Этот паршивец приказания ослушался самым наглым образом. В графскую карету залез и рассиживался там вместо работы.

– Вот ужас. И правда паршивец. Это кто у нас такой наглый?

– Сын Игната из Сосновки.

– Продолжай, дорогой, я потом сама еще разберусь. Вот ведь мерзавец, – Ольга Ивановна повернулась к Анне, – вот видите, какие они. Совершенно неблагодарные. Пойдете, ей-Богу, не для ваших глаз.

– А я хочу остаться, – резко одернула Анна, вырвав свою руку из руки помещицы.

– Ну как же, зачем же, – начала причитать та.

– Я сказала, что останусь и точка. Или матушку позвать?

Барыня кивком головы показала Тихону продолжать.

Алексей в этот момент стал немного приходить в себя. Он не понимал, что происходит. Пот заливал глаза, раны на спине сочились кровью, вкус крови был и на губах, видимо от боли он их сильно прикусил. Лишь какие-то голоса слышались в стороне. И вновь визг плети, удар, и тот же невнятный вой вместо крика. Болевой шок отступил, потому этот удар стал таким же болезненным, как и первый.

Анна и Лиза стояли, взявшись за руки. В момент удара Лиза резко отвернулась в сторону и закрыла глаза. Анна же лишь резко и крепко стиснув руку подруги, дернулась в унисон удару плети. И почти сразу новый взмах плети, удар, вой. Струи крови сочились по спине. Анна еще сильнее, до боли сжала руку, но продолжала смотреть, не отводя взгляд.

После пятого удара ноги Алексея подкосились, он плавно съехал на колени и повис на связанных веревкой руках. Тихон показал жестом. Николай подошел и окатил наказанного ведром холодной воды, что быстро привело последнего в чувства. После этого Тихон немного отошел, чтобы перевести дух.

Алексей поднял голову, повернулся, оглядел собравшихся. И, наконец, заметил среди знакомых лиц крепостных и барыни двух девушек. Никогда прежде он не видел такой красоты. И даже восторг от кареты, который привел его к этому столбу, сразу померк. Прелестные юные девушки в таких чистых, таких легких, украшенных кружевами платьях, с потрясающими прическами, блеском драгоценностей на изящных юных шеях и запястьях. Он замер. Образ девушек становился то отчетливым, то расплывался. Может это от боли мутит в голове. Но вдруг его глаза встретились с глазами юной блондинки. Он пристально смотрел в них, уже не смея оторваться. А она, почему-то, смотрела в ответ, и также не отводила взгляд, и, казалось, даже не моргала.

Тем временем экзекутор вновь взмахнул плетью. Свист, удар. Алексей погруженный в прелестные глаза, не ожидал этого удара. И тут из груди вырвался пронзительный крик. С этим криком он пришел в себя, и вспомнил, в каком положении находится, от чего резко опустил голову и закрыл глаза.

В момент удара рука Анна сжалась настолько, что Лиза вскрикнула и попыталась вырвать свою кисть из этого рукопожатия подруги. Сердце юной графини неистово билось, по коже пробежали мурашки, а все внутри будто содрогнулось.

И вновь взмах плети, но вдруг раздался звонкий крик, прервавший свистящий полет:

– Н-е-е-т! – неожиданно для самой себя вскрикнула Анна:

– Прекратите это немедленно! – на минуту все просто замерли в оцепенении, – я сказала, прекратите, сейчас же! Иначе я пожалуюсь отцу! – с этими словами она схватила помещицу за плечо и даже дернула.

– Не переживайте, ваша светлость, – ответила Ольга Ивановна, – если вы того желаете, все будет исполнено! Она кивком показала Тихону прекратить. Тот нехотя, легонько кивнул в ответ, соглашаясь с приказом и отошел назад. Николай подошел к столбу и стал развязывать веревки.

– Принеси воды. Быстро! – приказала Анна Варе.

Служанка убежала и уже через минуту вернулась с кружкой, наполненной водой. Графиня взяла кружку и подошла к столбу. Только что отвязанный Алексей попытался встать, но ноги не слушались и он упал на колени, прямо перед прелестной юной девой. Как же ужасно он чувствовал себя в этот момент. Большого унижения невозможно даже выдумать. Но Анна склонилась и, слегка присев, протянула кружку.

– На. Выпей!

Их глаза вновь встретились и они оба замерли на мгновение. Анна не увидела в этих глазах ни унижения, ни боли, ни презренности. Она видела что-то, с чем раньше не сталкивалась. Какую-то необъяснимую притягательность и силу. Как много раз потом она вспоминала этот первый взгляд, как много он изменил в её судьбе. А пока что она поднялась, не отводя глаз чуть отошла назад и сказала Николаю:

– Дай ему новую рубаху. Чистую.

После медленно подошла к Лизе, взяла её за руку, и они пошли с подворья. В последний момент Анна обернулась и еще раз посмотрела в глаза юноши. А он все это время не отводил взгляда, провожая свою спасительницу.

Глава 4

Яркие лучи солнца отражались на поверхности воды, чью гладь лишь немного тревожил легкий южный ветерок. Вдоль всего берега небольшого озера колосится камыш, легонько раскачиваемый в такт отблескам лучей. То здесь, то там на воде появлялись круги, а иногда можно было даже увидеть создававших их маленьких рыбешек, лишь на мгновение высывавшихся на поверхность в попытке ухватить неаккуратно присевших комаров и мошек.

– Только не промахнуться, только не промахнуться, сейчас, вот-вот, давай.

Молниеносное приближение, стремительный кивок головой, и вот в пасти молодого ястреба небольшой серебристый карась. Он брыкается изо всех сил в стремлении выжить и в следующее мгновение вырывается из смертоносного клюва, но охотник резким движением снова захватывает добычу, задние лапы уже в воде, несколько резких взмахов крыльями поднимают брызги. И все же попытка удалась. Ястреб взмывает вверх, не оставляя рыбешке никакого шанса. Для него, лишь пару месяцев назад вылупившегося из яйца и до того кормившегося от матери, это первая успешная охота и первая добыча. Продолжая чрезмерно энергично махать крыльями, он поднимается все выше и выше, а потом, невероятно гордый и довольный, начинает парить, не выпуская добычу из клюва. Это его день, его момент взросления.

А внизу будто проплывают небольшие озера с камышовыми берегами, тихая извилистая речка, зеленые луга, щедро украшенные фиолетовыми цветками люпина, березовые пролески и сосновый бор. На распаханном поле недалеко от деревни, рядом с березняком, в столь ранний час уже трудится с десяток крестьян, почти не разгибающих спину, чтобы успеть очистить поле от сорняков до полуденного зноя. А чуть вдали, верхом на конях, куда-то спешит пара кавалеристов, видимо с важным донесением о ходе учений. Отсюда, с высоты птичьего полета, они кажутся почти такими же маленькими, как эта рыбешка в пасти. И не важно, будь это согнутый над сорняками крестьянин или очень важный офицер. Все их тела, движения, мысли, проблемы и радости выглядят будто песчинка в море. И все их жизни и судьбы, быть может стать, для кого-то лишь такая же рыбешка в пасти.

– А-й-й! Чертов осот! Опять руку порезал, щиплет зараза, – Иван встал и попытался облизать порезанную травой кожу между большим и указательным пальцами.

– На, воды полей лучше. А я еще сбегаю в полдень, – Алексей протянул брату флягу, – неприятно это от осота порез, а если грязь попадет, так еще до завтра болеть будет.

Прошло уже три дня с того вечера, как он вернулся домой из барского дома с разукрашенной плетью спиной. Мать несколько часов отпаривала раны кипятком с настоями трав, чтобы избежать гноения. А отец все это время сидел за столом в глубокой задумчивости. В свои тридцать восемь лет Игнат был хоть и совершенно необразованный, но по-житейски мудрый человек. Он понимал, что так внезапно прерванное наказание обязательно будет иметь последствия. Потому было решено, что Лешка в ближайшие дни не будет появляться в барском поместье. А на утро пойдет сам глава семьи и уж что будет, то и будет.

Вечером следующего дня отец вернулся с барщины. Какой разговор у них был с Тихоном, никто не узнал. Но лицо Игната было больше похоже на месиво. Оба глаза заплыли синяками, губа рассечена, на порванной рубашке, на месте, прикрывавшем живот, пара больших отметин от грязного сапога. Ни в этот вечер, ни на следующий день, он так ничего и не сказал сыну. Сам же Алексей старался поменьше показываться всем на глаза, и ходил с поникшим лицом и чувством сильнейшей вины, пытаясь быть услужливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.